

ЖОРЖ БАОН

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ОКЕАНОВ

ТИХИЙ ОКЕАН

ФЛИБУСТЕРСКОЕ МОРЕ

Великий час океанов

Жорж Блон

**Великие тайны океанов. Тихий
океан. Флибустьерское море**

«Азбука-Аттикус»

1973, 1975, 2011

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Блон Ж.

Великие тайны океанов. Тихий океан. Флибустьерское море /
Ж. Блон — «Азбука-Аттикус», 1973, 1975, 2011 — (Великий час океанов)

ISBN 978-5-389-23280-8

История исследования и освоения бескрайних просторов мирового океана — это история отваги, предприимчивости и упорства. В центре масштабного замысла популярного французского писателя Жоржа Блона — Человек и Море в их разнообразных, сложных, почти мистических отношениях. Все великие мореплаватели были в определенном смысле пленниками моря, которое навсегда покорило их сердце. Все они, начиная с древних викингов или финикийцев, были одержимы морем, мечтой о новых морских путях и неведомых землях. О великих покорителях великих океанов и рассказывает эпопея Жоржа Блона. В новом издании на русском языке книги из серии «Великие тайны океанов» («Великий час океанов») проиллюстрированы репродукциями картин, гравюр, карт, фотографий — исторических изображений, так или иначе связанных с увлекательными сюжетами Жоржа Блона. Кроме того, книги снабжены обширным справочным материалом, включающим карты, словари имен, морских терминов и названий судов и летательных аппаратов. Тихий океан — самое обширное водное пространство Земли, он легко мог бы вместить в себя все континенты и острова. Идиллическим названием он обязан Магеллану, замороженному мирным нравом простершейся до самого горизонта сверкающей глади. Иногда Тихий океан действительно заслуживает своего имени; иногда оборачивается необузданной, разрушительной и смертельно опасной стихией, противостоять которой отважится лишь отчаянный смельчак — или безумец. В третьей, завершающей книге серии читатель найдет эпическую историю покорения бескрайних просторов величайшего из океанов, а также захватывающий рассказ о знаменитых пиратах Карибского бассейна — «Флибустьерского моря», имена и легендарные приключения которых, не забытые по сей день,

столетиями прославляли мастера авантюрной литературы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-23280-8

© Блон Ж., 1973, 1975, 2011

© Азбука-Аттикус, 1973, 1975, 2011

Содержание

Тихий океан	8
Глава первая	9
Глава вторая	49
Глава третья	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Жорж Блон

Великие тайны океанов: Тихий океан; Флибустьерское море

Georges Blond
LE PACIFIQUE
Copyright © Presses de la Cité, un département
de Place des Editeurs, 1972
Copyright © Omnibus, un département
de Place des Editeurs, 2011

HISTOIRE DE LA FLIBUSTE
Copyright © Stock, 1990
Published by arrangement
with SAS Lester Literary Agency & Associates

Перевод с французского Аркадия Григорьева

Подбор иллюстраций Екатерины Мишиной

© А. М. Григорьев, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Тихий океан

Карта Тихого океана из атласа «Theatrum orbis terrarum» («Зрелище круга земного») Абрахама Ортелия. Издание 1570 г.

Глава первая С востока и с запада

Разговор о Тихом океане всегда приходится начинать с его необъятной величины. Достаточно посмотреть на глобус, чтобы убедиться: Тихий океан занимает примерно треть поверхности планеты – на его долю приходится половина всей водной массы. Не только на Земле, но и в Солнечной системе нет ничего равного этому океану.

Фотографии, сделанные с искусственных спутников, поистине впечатляют. Мы видим Великий океан, а не его условное изображение: над ним плывут облака, гремят грозы. Тихий океан столь огромен, что, если погрузить в него все континенты и острова, еще останется свободное место. А если на Таити вы сядете в самолет, летящий в Лос-Анджелес, то через двадцать минут внизу проплывут острова Туамоту, а потом – ничего, ни клочка суши, вплоть до посадки через восемь часов полета. Но есть и более длинный маршрут: Новая Зеландия – Сан-Франциско: 10 800 километров, более четверти окружности Земли, и половина пути проходит над водной пустыней. Естественно, что это необъятное пространство стало местом приводнения космонавтов, возвращающихся на родную планету.

Если вам случится идти или ехать вдоль побережья от Сан-Франциско или от Лос-Анджелеса, вы поймете, что этот океан по своим размерам не похож на другие не только из-за цифр и сравнений, поневоле крутящихся в вашей голове. Конечно, вам известно, что огромные волны, которые обрушиваются на берег, формируются в 9 тысячах километров от него, но здесь, в непосредственной близости от океана, вы, как никогда, ясно понимаете, что этот исполин – необузданный дикарь. Вдоль берегов тянутся бассейны (большинство местных жителей предпочитают не купаться в море из-за гигантских волн и акул), а между ними – кусты тамариска: скрученные ветром, корявые мученики с наполовину оборванными, присыпанными сероватым песком листьями. Операторы и фотографы, которым поручают рекламные съемки в бухте Сан-Франциско, вынуждены прибегать ко всяческим ухищрениям.

Тихий океан всегда был ареной головокружительных событий. С момента его рождения, с тех пор, как его воды перестали кипеть, каких только приключений тут не происходило! Их тысячи, миллионы. Разумеется, из великого множества удивительных историй мы выберем наиболее драматические, наиболее волнующие, наиболее проникнутые духом человека. Но начать хотелось бы с самого главного – с людей, живущих в этом сказочном мире.

На необъятных просторах Тихого океана рассеяно несметное количество мелких зерен-островов. Архипелаги разделены тысячами километров, и такие же расстояния отделяют их от Азии и Америки. Изучение насекомых и моллюсков, обитающих на этих островах, доказывает, что они всегда были отделены, изолированы от другой суши Великим океаном. На островах живут мужчины и женщины, они рождаются и умирают, продолжая свой род. Всегда ли эти люди обитали там? Нет, на островах Океании не обнаружено никаких следов человека эпохи палеолита. Жители Океании пришли *извне*. Откуда? Когда? Как?

Долгие тысячелетия, превосходящие наше историческое время, люди сторонились моря, считая его опасным чудовищем. Нам уже не узнать, когда этот страх был преодолен, и остается выдвигать все новые и новые гипотезы. Что касается Азии, древность китайской мореходной науки (форма и оснастка джонок, компас, математические и астрономические знания) наводит на мысль, что первыми моряками этого континента были китайцы: из устьев китайских рек и вышли в открытое море первые суда.

Типы жителей Океании и Австралии. Хромолитография. Ок. 1896

В начале христианской эры на острова Малайского архипелага приплывали целые флотилии джонок. А задолго до этой эпохи другие мореплаватели – на утлых суденышках, о которых у нас нет никакого представления, – двинулись с Малайских островов на восток. Согласно результатам недавних археологических раскопок, Марианские острова (в 1500 километрах от Филиппин, в 2500 километрах от Китая) были заселены примерно 4 тысячи лет назад.

Вопросом заселения Океании первыми заинтересовались лингвисты.

Рассматривая на карте россыпь островов, более густую на западе и все более редкую по мере продвижения на восток, инстинктивно ощущаешь, что поколения выходцев из Азии устремлялись на восток, осваивая один архипелаг за другим. Работы лингвистов подтверждают это впечатление: даже с учетом расхождения диалектов, когда жители разных архипелагов перестали понимать друг друга, неоспоримым остается факт, что все океанические диалекты происходят из одной группы малайского языка.

Большинство этнологов разделяли и разделяют эту точку зрения. Первые «колонисты», начавшие покорение Тихого океана, видимо, были «негритосами», изгнанными с юга Азии во время последнего ледникового периода. Речь идет о негроидах, мало похожих на любителей играть на укулеле (гавайской гитаре). Они ближе к горным и диким папуасам Новой Гвинеи. Следующая новая волна состояла из айноидов белой расы, которых так называли из-за сходства с айнами – японскими автохтонами Хоккайдо. Смешение рас привело к появлению разных популяций Океании. Этнологи не всегда были единодушны относительно деталей этого процесса, но схему заселения Тихого океана выходцами из Азии признали почти все ученые.

После Второй мировой войны норвежец Тур Хейердал выдвинул иную гипотезу:

– Когда я посетил маленький островок Маркизского архипелага, старые туземцы рассказали мне древнюю легенду о Тики, божество-вожде, который привел их предков на Маркизские острова. «Вначале, – говорили они, – наша раса обитала в большой стране на востоке, за морями». Чуть позже я узнал, что Кон-Тики было самым древним именованием бога-солнца у инков. Я также обратил внимание, что большие статуи на Маркизских островах удивительно напоминали гигантские монолиты, следы угасших цивилизаций Южной Америки. И пришел к выводу, что по крайней мере часть тихоокеанских архипелагов была заселена выходцами из Перу.

Такова суть теории Тура Хейердала, которую он с жаром защищал. В 1945 году он передал одному американскому ученому рукопись под названием «Доисторические связи между Полинезией и Америкой».

– Я не согласен, – заявил этот исследователь, возвращая работу после прочтения. – Действительно, Южная Америка была местом зарождения нескольких удивительнейших цивилизаций прошлого, но мы не знаем точно ни что с ними случилось, ни когда это произошло. Однако мы можем с уверенностью утверждать, что ни один из народов Южной Америки не отправлялся на острова Тихого океана. И знаете почему? Ответ прост: у них не было подходящих судов.

– У них были плоты из бальзового дерева.

– Тогда попробуйте добраться из Южной Америки в Океанию!

И Тур Хейердал попробовал. Далее мы увидим, как он из Калья (Перу) приплыл на атолл Рароиа (архипелаг Туамоту) на плоту «Кон-Тики», названном в честь бога инков.

– Путешествие «Кон-Тики» ровно ничего не доказывает. Вовсе не индейцы Южной Америки создали цивилизацию полинезийцев, принеся сюда свои ремесленные навыки, астрономические знания, своих богов и их статуи. Полинезийская цивилизация совершенно самобытна. Задолго до того, как коренные жители, или автохтоны, Южной Америки рискнули двинуться по волнам Тихого океана на запад, обитатели Океании отправлялись на восток и высаживались на американский берег. На плоту можно с равным успехом добраться как из Полинезии в Перу, так и из Перу в Полинезию. Я это докажу.

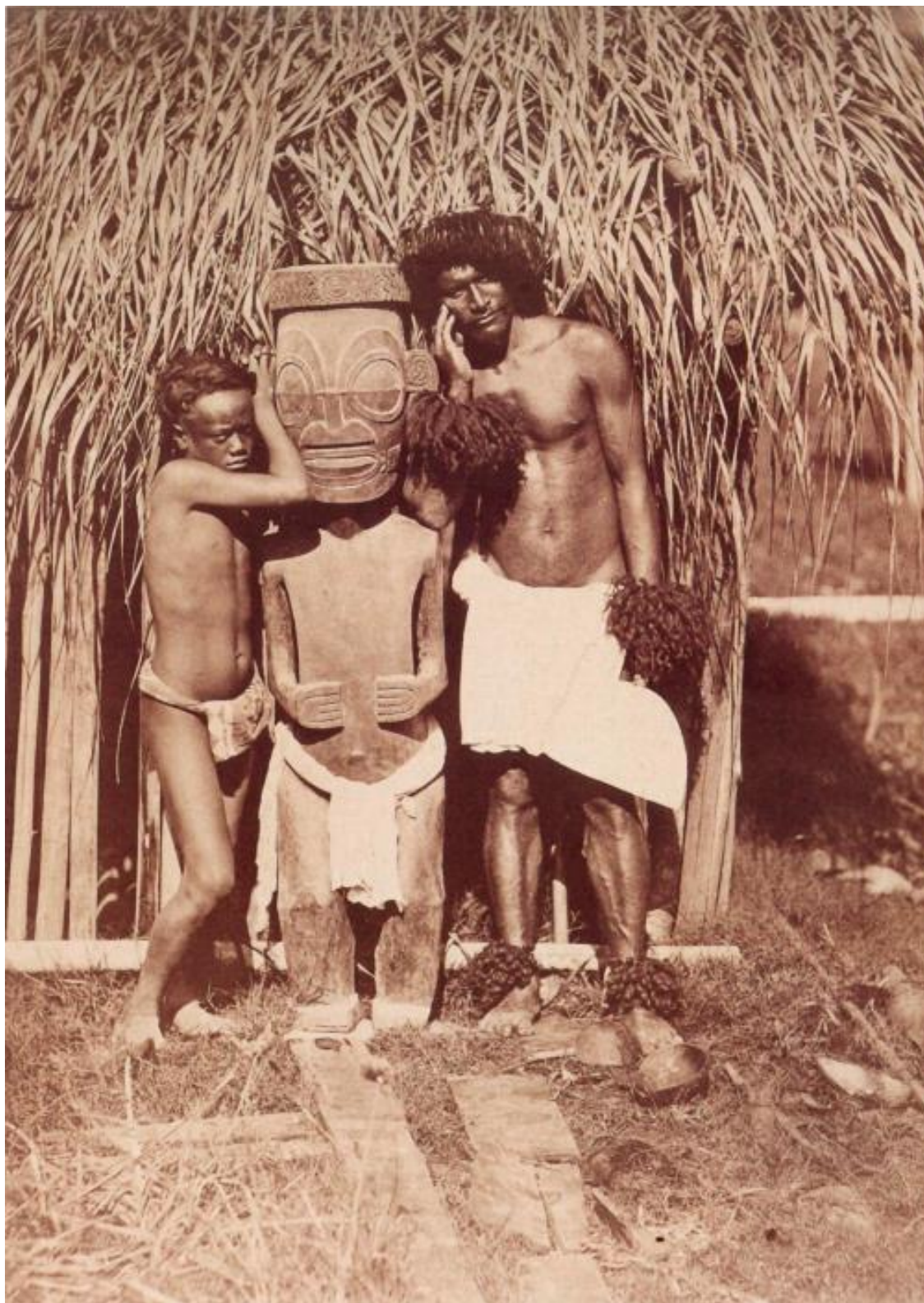
Так говорил французский мореплаватель Эрик де Бишоп – удивительный человек, с которым мы встретимся в другой главе. 8 ноября 1956 года он отплыл на плоту с острова Таити и взял курс на восток, а 26 мая 1957 года, в 900 милях от чилийского побережья, потерпел крушение, и плот его пришлось отбуксировать в ближайший порт. Однако это не поколебало его уверенности в том, что в древние времена люди могли пересекать Тихий океан как в одном, так и в другом направлении. И нам придется согласиться с ним, хотя бы потому, что филологи не нашли другого языка, столь богатого морскими терминами, как полинезийский. В этом языке есть абсолютно все, что относится к навигации, метеорологии, космографии, океанографии. «Язык заядлых путешественников, опытных мореходов». Да и может ли быть иначе у народа, рассеянного на огромном морском пространстве?

Древние жители Океании были вынуждены, в силу своего географического расположения, стать непревзойденными мореплавателями. Их познания в астрономии, унаследованные от китайцев или инков, намного превосходили круг знания западных мореплавателей той эпохи. Им было известно, что Земля круглая, и в их языке были термины для столь абстрактных понятий, как «экватор», «тропики Рака и Козерога». Они дали имена двум сотням неподвижных звезд и пяти планетам, которые называли блуждающими звездами. Их опытные штурманы знали, в какой части неба находится та или иная звезда в то или иное время года, в тот или иной час ночи. Короче говоря, небо было для них часами, календарем и компасом.

Великолепная космическая цивилизация! Эрик де Бишоп утверждал, что она зародилась в Тихом океане (скажем осторожнее – приобрела там свои характерные черты) за несколько веков до рождения Иисуса Христа и стала распространяться *на запад* – до Молуккских островов, Явы, Индии, Персидского залива и даже Мадагаскара, а также *на восток* – в направлении Перу. Довольно спорное утверждение, которое к тому же не вносит ясности в проблему заселения Океании.

– Невозможно узнать, заселялась Океания с востока или с запада. А может быть, все было делом случая. Жители Океании – потомки жертв кораблекрушений, выброшенные в том или ином месте по воле урагана или из-за навигационных ошибок.

Имя автора книги, в которой изложена эта оригинальная гипотеза («Древние путешественники в Тихом океане», 1957), – Эндрю Шарп. Одно время фантастическая идея Шарпа пользовалась популярностью просто потому, что идея случайности всегда находит многочисленных приверженцев. Однако Шарп не объясняет, почему в эпоху, когда женщины практически никогда не ступали на борт лодки или иного плавучего средства, среди потерпевших кораблекрушение было столько женщин: без них, как известно, продолжение рода невозможно! Он также совершенно не учитывал тот факт, что жители Океании издревле владели наукой мореплавания. Конечно, веками бороздя волны, они не раз терпели кораблекрушение, тем более что этот «тихий» океан очень своенравен. И все же логичнее предположить, что островную империю строили не случайные жертвы кораблекрушений, а сильные волевые люди, сознательно отправлявшиеся на поиски новых земель. Эндрю Шарп никого не убедил.

Туземцы Маркизских островов у идола Тики. Фото Поля-Эмиля Мио. 1870

Потом за дело взялись археологи, которые попытались восстановить историю заселения Океании, проводя систематические раскопки на громадном островном пространстве. Их заключения частично подтверждают выводы лингвистов. Судя по всему, первые мореплаватели, прибывшие из Азии, поколение за поколением осваивали Филиппины, Марианские ост-

рова, потом Фиджи, острова Общества, Маркизские острова, Гавайи, Новую Зеландию и, наконец, остров Пасхи.

Полинезийский воин, украшенный татуировками. Гравюра. Ок. 1769

Хотя относительно острова Пасхи единого мнения нет. Как только речь заходит об этой загадочной земле, каждый говорит свое. Всем известно, что там есть странные статуи, некоторые из них глядят в сторону моря, другие – внутрь острова. Часть статуй до сих пор лежит в карьере вулканического камня, где их высекали неведомые скульпторы. Каменные фигуры огромны – самая большая имеет в длину 22 метра и весит 20 тонн. Исследователи до сих пор спорят о том, как местные жители доставляли на место и устанавливали этих каменных гигантов.

– Ранее остров был зеленым и плодородным, здесь проживало намного больше людей, чем сейчас. Не так уж сложно представить себе, как тысячи людей сообща принимаются за дело при помощи катков, веревок, наклонных плоскостей.

– Остров является вершиной древнего вулкана, и у нас нет оснований считать, что некогда он был таким, как вы утверждаете. Только великаны или люди, обладающие сверхъестественной силой, могли транспортировать и ставить вертикально эти монолиты. Туземцы говорят о магической силе, называя ее мана. Скажем так: тайна остается нераскрытой.

Американо-норвежские археологические экспедиции, прибывшие на остров в 1961 году, ничего не выявили и не выяснили. Единственным четким выводом их отчета является следующее утверждение: «Облик статуй доказывает, что остров был заселен выходцами из Перу».

Воин Сандвичевых островов (Гавайи). Гравюра. XVIII в.

В 1963 году Франсис Мазьер, один из редких исследователей, знающих паскуанский язык, записал традиционную легенду о прибытии на остров *полинезийского* короля Хоту Матуа, покинувшего родную страну из-за какого-то стихийного бедствия. Исследователь нашел на острове черепа брахицефалов и долихоцефалов – представителей двух разных рас. По мнению профессора Гавайского университета Эмори, до острова Пасхи одна за другой докатились две волны мореплавателей: одна с Маркизских островов, другая из Перу. Но кто из них прибыл первым – на остров Пасхи, на Маркизы, на другие острова? На этот вопрос единого ответа нет, для каждого архипелага он будет свой.

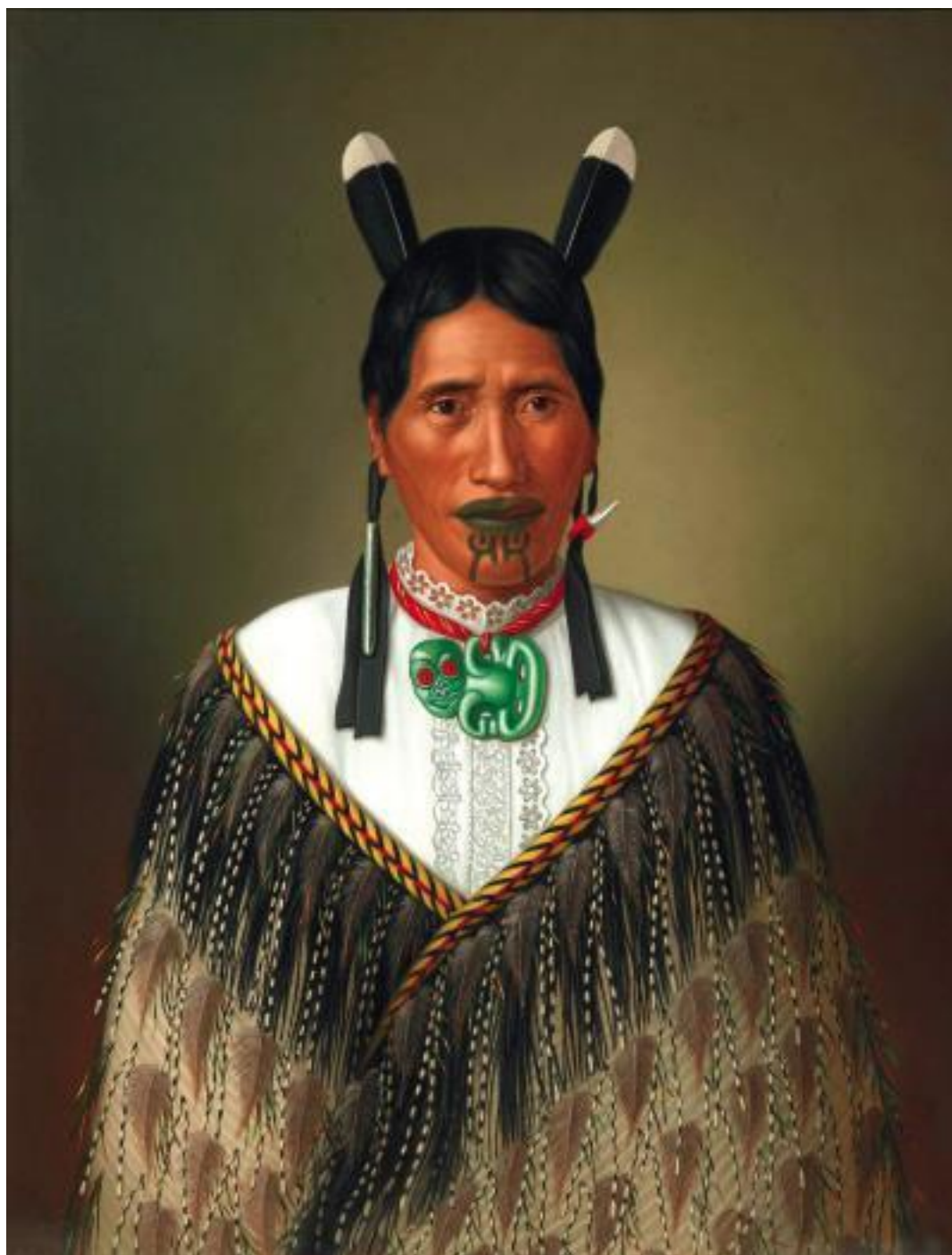
Археологи и этнографы работают не покладая рук. Будем надеяться, что однажды ученые придут к согласию и мы узнаем, с большей или меньшей достоверностью, о самых первых приключениях людей на Тихом океане – о сказочной встрече бальзовых плотов, приплывших из Америки, и пирог, приплывших с запада и снабженных уже, быть может, своими удивительными балансирами. А пока расскажем о первом документально подтвержденном великом событии в истории Тихого океана – о встрече жителей Океании с европейцами, приплывшими к ним наиболее длинным путем.

Гуам – самый южный из Марианских островов, длина его 45 километров, ширина 12 километров. Гористый, вулканического происхождения остров покрыт великолепными лесами и окружен коралловыми рифами, словно стерегущими чудесные песчаные пляжи. Остров принадлежал США и был захвачен японцами 10 декабря 1941 года, через три дня после Пёрл-Харбора. Морская пехота США отвоевала остров в 1944 году, но группа японских солдат, не веря в капитуляцию Японии, отказалась сдаться в плен и укрылась в лесу. Последний из японцев сдался в феврале 1972 года.

Готфрид Линдауэр. Портрет воина народности маори в плаще из птичьих перьев. 1885

Сейчас следов войны на Гуаме не осталось. Местные жители работают на плантациях кокосовых пальм или в гостиничном бизнесе, на аэродроме или на атомной электростанции.

Готфрид Линдауэр. Портрет женщины маори. 1885

Но давайте вернемся назад, в 1521 год. Как и сегодня, лазурные волны тропической части Тихого океана лениво набегают на пляжи серого песка. Сохнувшие на берегу пироги с баланси-ром почти не отличаются от тех байдарок и каяков, на которых нынешние туристы совершают морские прогулки. Но зато на острове нет больших построек, лишь кое-где, на границе между пляжем и лесом, видны деревянные хижины, крытые пальмовыми ветвями. Местное население – две или три тысячи туземцев, не больше. Дети бегают голышом; женщины, крепконогие, но красивые, с распущенными волосами, носят подобие короткой юбки из волокон растений; мужчины, атлетического сложения, с пучком волос на макушке, ходят в набедренной повязке.

Амулет из нефрита. Новая Зеландия. Маори. XVI–XVIII вв.

В то утро, которое нас интересует, небольшая группа мужчин удалялась от моря вглубь леса. Видите? Они несут железные топоры и большую примитивную пилу, и только у самого старшего из поклажи всего-навсего плетеный мешок. Старший идет впереди, внимательно смотрит по сторонам. По всей видимости, он ищет подходящее дерево. Наконец нашел: это тик с мощным и гладким коричнево-зеленым стволом. Мужчина останавливается, и спутники полукругом обступают его сзади.

Серьга из нефрита. Новая Зеландия. Маори. XIX в.

Но они не спешат приступить к работе и даже кладут топоры на землю, себе под ноги. Один из них протягивает старшему простой железный ножик, смехотворно крошечный, если с его помощью они намерены свалить огромное тиковое дерево. Человек надрезает кору на уровне своей груди, потом извлекает из мешка еще живую рыбешку и, затянув незатейливую мелодию, засовывает рыбку в надрез, словно в небольшое дупло. Не прерывая пения, он закладывает туда же несколько кусочков кокосового ореха, щепотку муки, измельченные листья. Его спутники, притаптывая в такт, подхватывают ритуальную песню. Несложно догадаться, что мы присутствуем при обряде заклинания, а мужчина, надрезавший кору, – жрец или колдун.

Выбранное дерево предназначено для изготовления пироги, и рубить его без исполнения магического обряда нельзя, иначе пирога выйдет негодной, а то и вовсе затонет сразу после спуска на воду. Ритуалы и верования, которые веками существовали на тихоокеанских архипелагах, сохранились до наших дней.

Магический обряд завершен, дровосеки принимаются за работу. До появления механических пил способом срубить дерево было не много: сначала делали глубокую зарубку у корня с той стороны, куда надлежало свалить дерево, потом начинали его пилить с противоположной стороны. Но наши микронезийские дровосеки XVI века работают совсем не так, как рабы или рабочие на конвейере. Они без умолку разговаривают, иногда поют. Время от времени они прерывают работу, усаживаются неподалеку, возвращаются, а потом, в середине дня, когда наступают самые жаркие часы, уходят в деревню: пришло время искупаться в море, поесть и отдохнуть. Вернутся ли они, чтобы завершить работу до конца дня, неизвестно. Быть может, придут сюда только на следующий день. Рубка дерева для изготовления пироги – священное дело. Оно не терпит поспешности ни в первый день, ни в последующие, когда, повалив дерево и придав стволу общую форму пироги, его поволокут в деревню. Все это не прекращая ритуальных песнопений. Так поступали их предки, поколение за поколением. И так же будут поступать их дети. Ничего не меняется на Гуаме с тех пор, как белопенные тихоокеанские волны лижут прибрежный песок.

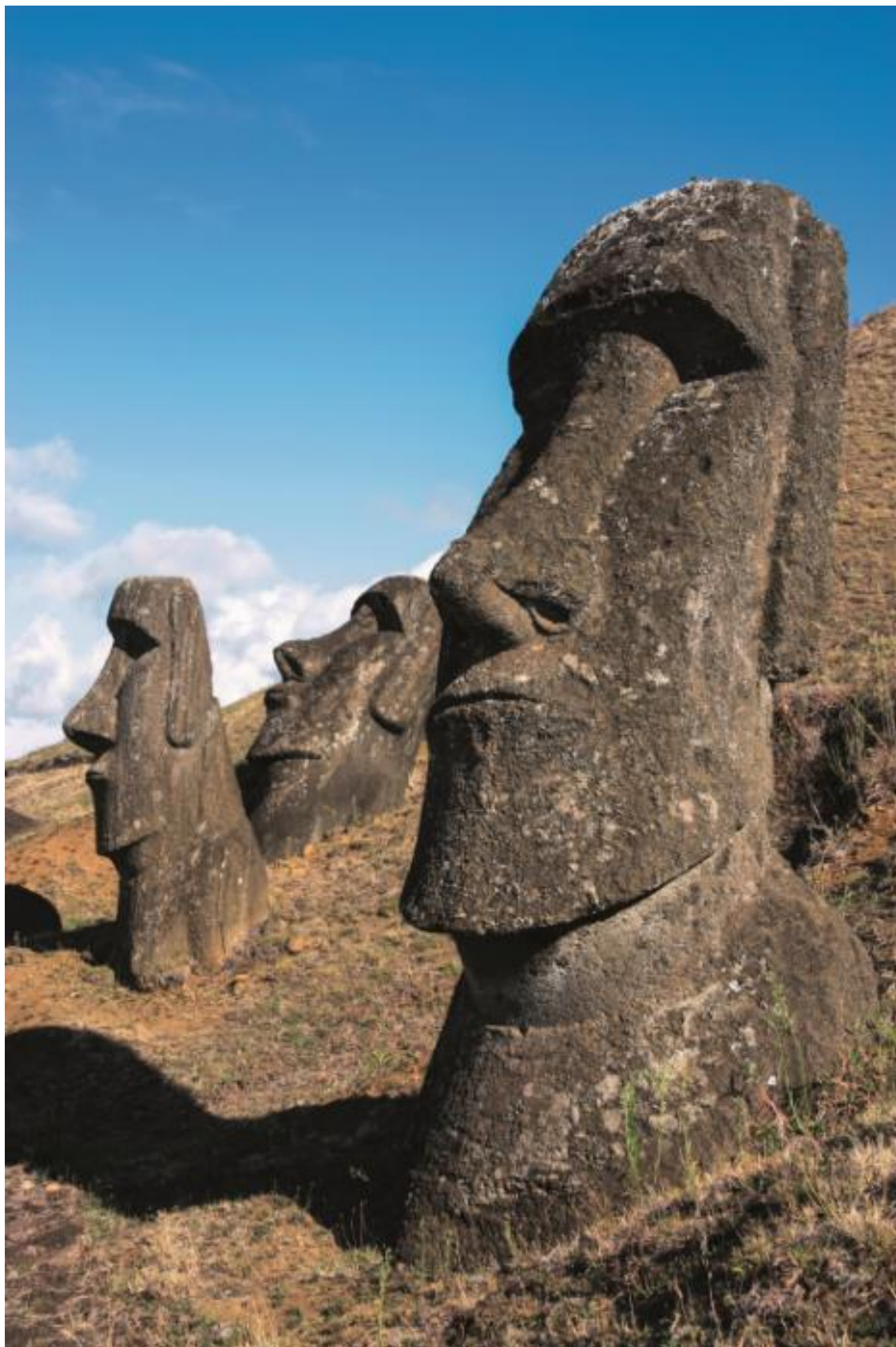

Маска из человеческого черепа. Папуа—Новая Гвинея. XIX в.

Впрочем, нет, кое-что все-таки меняется. Их далекие предки рубили деревья и обрабатывали стволы при помощи каменных топоров и огня, а у них в 1521 году уже есть железные орудия – предметы для них редкие и драгоценные. Мы с вами знаем, что эти инструменты доставили сюда арабские купцы, сначала добравшись до Филиппин, а потом продвигаясь все дальше на восток, от острова к острову, и всюду занимаясь торговым обменом. Но аборигены Гуама не знают, откуда появились у них эти железные инструменты, да и вряд ли задаются таким вопросом. Любознательностью они не страдают.

Дерево, уже напоминающее очертаниями пирогу, с помощью катков перевозится в деревню. Транспортировка по пересеченной местности занимает несколько суток, ибо колдун часто останавливает людей для выполнения магических ритуалов. Никто никуда не торо-

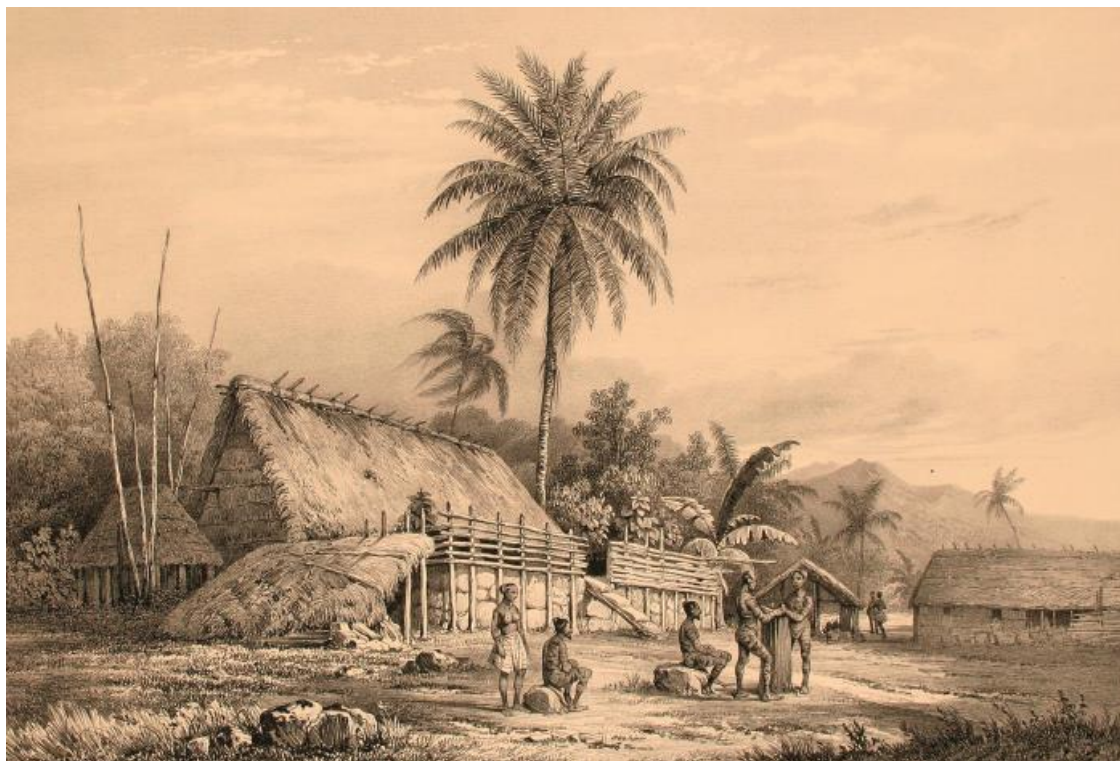
пится. Изготовление пироги – это не просто полезное дело. Это церемониал. Пирога для ее владельца – кормилица, залог выживания, и относится он к ней почти так же, как ребенок к отцу и матери.

Остров Пасхи. Гигантские статуи моаи

© steve_is_on_holiday

Медлительность при изготовлении лодки вызвана вовсе не ленью туземцев. С момента, когда сердцевина удалена, ствол обтесан, мачта установлена и лодка снабжена поплавком-балансиром (со всем этим европейцы управляют за несколько дней, у туземцев работа продолжалась три месяца), процесс невероятно ускоряется. К примеру, парус изготавливается за один день, с восхода до захода солнца, хотя работа эта требует большой тщательности. Так велит ритуал.

Луи Ле Бретон. Вид поселения в Полинезии. 1846

Готовая лодка получает имя. Для всей деревни пирога на несколько дней становится центром внимания. Владелец, его родственники и друзья говорят только о ней, всячески ее расхваливая. В день, назначенный для спуска на воду, главы соседних деревень являются для участия в гонках. Негласное соглашение требует, чтобы регату выиграл глава деревни, где спущена на воду новая пирога, а сама пирога должна занять почетное место.

Пирога, изготовленная зимой 1521 года туземцами одной из деревень Гуама, должна обойти морем весь остров, чтобы быть *представленной* другим деревням. Такой обход сопровождается празднествами и ритуалами.

Вильгельм Тилезиус фон Тиленау. Воин с Маркизских островов. 1813

В 1972 году Ален Кола победил в трансатлантической гонке яхт-одиночек на тримаране «Пен Дюик IV», который ранее принадлежал Эрику Табарли (на нем Табарли совершил кру-

госветное плавание). Тримаран – это не что иное, как большая пирога с двумя балансирами. Профессиональные западные моряки с ухмылкой встретили победу Кола: дескать, тримаран не настоящее судно, но в их словах сквозила зависть. Пирога с балансирами – действительно необычное плавательное средство, но это поистине гениальное изобретение.

Все видели такие пироги на фотографиях и в кино. Нынешние пироги, за исключением некоторых деталей, в точности такие же. Они немного отличаются друг от друга на различных архипелагах Тихого океана.

Пироги Микронезии, Меланезии и Полинезии имеют один балансир, или поплавок, закрепленный на конце отходящих от лодки параллельных брусьев. На Филиппинах пироги снабжены двумя балансирами, которые работают следующим образом: поплавок с подветренной (противоположной от ветра) стороны стремится уйти под воду, но благодаря своей плавучести не позволяет лодке перевернуться; поплавок с наветренной стороны приподнят и не касается воды, а его вес уравнивает пирогу. В Микронезии и Меланезии одиночный поплавок находится всегда с наветренной стороны – его вес противодействует давлению ветра на парус. Нос и корма у таких пирог совершенно одинаковы, чтобы при смене ветра можно было, не разворачиваясь, плыть в ту или иную сторону. В Полинезии (один балансир) нос и корма пироги различаются и плавание осуществляется лишь в одну сторону. Балансир работает благодаря либо своему весу, либо плавучести, в зависимости от направления ветра. На просторах Тихого океана встречаются пироги разных размеров: очень маленькие и легкие – для плавания в лагунах атоллов или вблизи берегов, зачастую на них используется весло; пироги средних размеров предназначены для ловли рыбы в море; и наконец, существуют пироги дальнего плавания, которые курсируют внутри архипелага или ходят от одного архипелага до другого. Все пироги выдалбливаются из цельного ствола. Таким образом, даже самые крупные пироги, которые способны противостоять опасной громаде Тихого океана, редко превышают 10–12 метров в длину.

Полинезийская лодка с балансирами. Гравюра из книги Джеймса Бёрни «Хронологическая история открытий в Южном море». 1803

Именно на таких больших пирогах в конце зимы 1521 года туземцы нескольких деревень Гуама отплыли на другие острова для обмена товарами. Такие торговые плаванья осуществлялись с X века и продолжались до конца XIX века.

В момент отплытия собравшиеся у воды женщины плачут и причитают – такова традиция. Но они ни под каким предлогом не должны лить слезы, пока флотилия будет находиться в открытом море. В это время им полагалось соблюдать и другие табу: не выходить в одиночку за пределы деревни, не принимать в доме мужчин и так далее – одним словом, хранить верность. Женщина, нарушившая табу, знала, что ее муж будет извещен о ее проступке: его пирога необъяснимо резко замедлит ход, и он сразу все поймет.

Флотилию вел «мудрец», точнее, опытный лоцман, а мы уже знаем, какими искусными моряками были островитяне. Когда они хотели, чтобы ветер поднялся, утих или изменил направление, они прибегали к магическим ритуалам. Пироги никогда не шли тесным строем, а находились друг от друга на расстоянии, но в пределах видимости. Так что флотилия была рассеяна на довольно большом пространстве.

Внутри архипелагов море между островами зачастую бывает неглубоким, а дно усеяно рифами и подводными скалами, едва скрытыми под водой; отдельную опасность представляли сильные, коварные течения. Но опыт и острое зрение позволяли туземцам вовремя заметить и миновать опасные места. Впрочем, морские опасности были не единственным злом – на некоторых островах жили воинственные племена.

В тот год, когда аргонавты с Гуама вернулись из плавания домой, после шумных праздников, традиционно устраиваемых по возвращении экспедиции, моряки несколько недель приводили в порядок свои пироги. Не успели они закончить работу, как два их соплеменника, ловившие рыбу в открытом море, на всех парусах примчались в деревню и сообщили, что заметили на горизонте три идущих с востока судна – громадных, невиданных.

Никто из местных жителей никогда не видел, чтобы из открытого моря к ним приплыл большой корабль. Никто из них вообще никогда не видел большого корабля. А на этих судах, как доложили рыбаки, по несколько вертикальных мачт и огромные паруса.

То были три корабля Магеллана. Они пересекли Атлантику и теперь бороздили Тихий океан.

Тихий океан был открыт с суши. Во вторую неделю сентября 1513 года Васко Нуньес де Бальбоа, губернатор Дарьена, первого испанского города, покинул атлантическое побережье и пересек узкий перешеек, соединявший две огромные части Американского континента. Его сопровождали 192 солдата, в шлемах, кирасах, вооруженные пиками и арбалетами. Отряд захватил с собой свору крупных собак. Из-за трудностей похода экспедиция сократилась до 28 человек. Прибыв на берег неизвестного моря, Бальбоа зашел в воду по грудь и прокричал, что именем короля Испании вступает во владение этим морем. Открывшиеся взгляду бескрайние водные просторы были названы Южным морем, так как оно тянулось к югу от перешейка, ориентированного на юго-запад. Это название долгое время оставалось неизменным. Еще в конце XVIII века карибские флибустьеры называли Тихий океан Южным морем.

Джордж Френч Ангас. Лодка новозеландских маори на фоне горы Таранаки. Литография из альбома «Жители Новой Зеландии». 1847

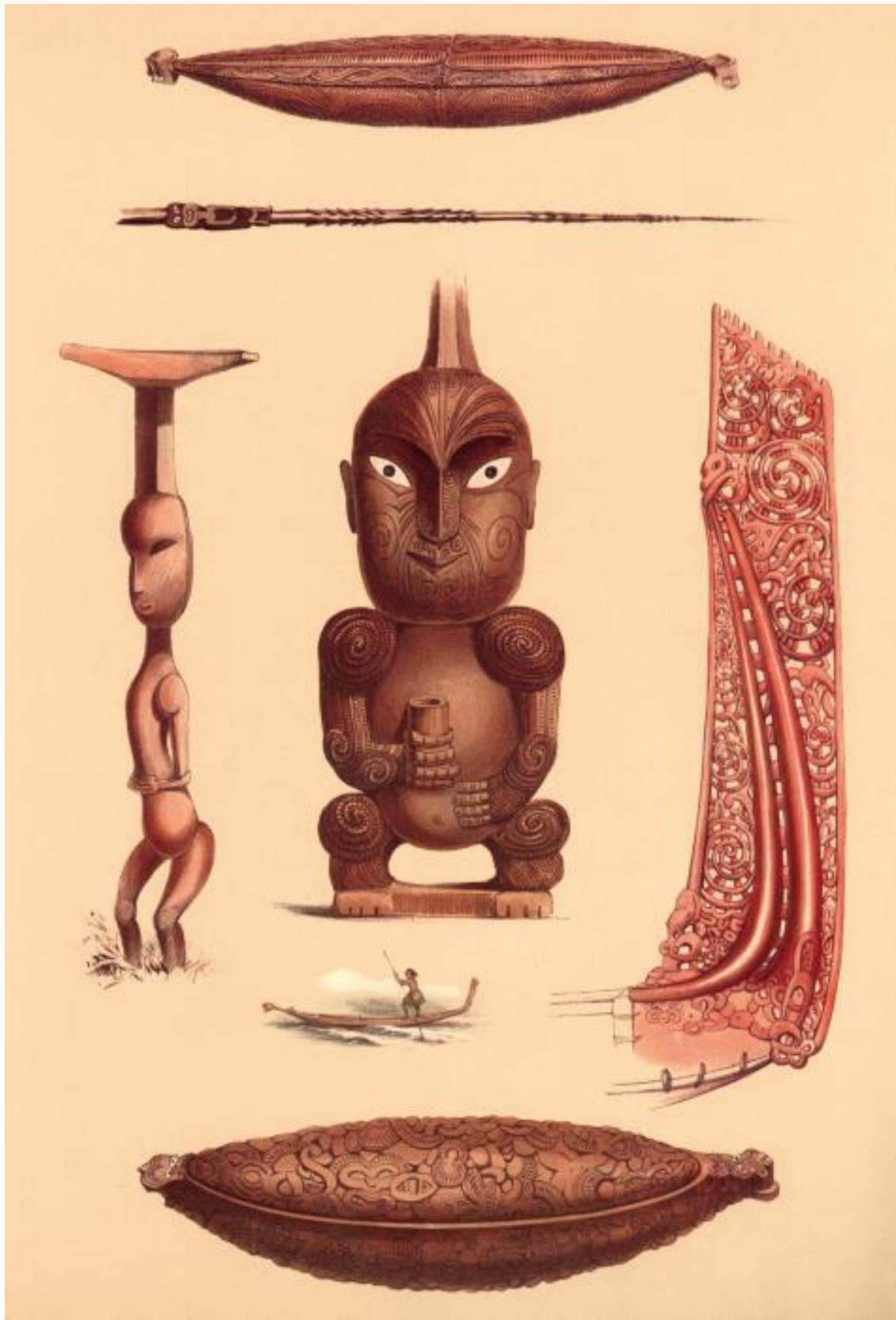
В 1516 году португальский дворянин Магеллан предстал перед королем Мануэлом I и сказал, что берется отыскать западный путь к берегам богатых пряностями Молуккских островов. Прежде в Ост-Индию португальцы плыли путем, открытым Васко да Гама, – вокруг Африки, минуя мыс Доброй Надежды. Магеллан считал, что на Молуккские острова можно приплыть с противоположной стороны, если найти водный проход на новом континенте. Мануэл I не стал его слушать, и Магеллан уехал в Испанию, где добился аудиенции у короля Карла I, будущего императора Карла V, и обратился к нему с тем же предложением. Испанский король ответил согласием.

20 сентября 1519 года флотилия из пяти судов отплыла из Санлукар-де-Баррамед, в устье реки Гвадалquivир. Переход через Атлантику оказался невероятно долгим, поскольку экспедиция попала в зону полного штиля. Потом начались поиски прохода – они продвигались вдоль американского побережья навстречу ледяным бурям Южного полушария. Кроме того, Магеллан раскрыл заговор трех капитанов своей небольшой флотилии. Один из его кораблей, «Сантьяго», потерпел крушение; другой, «Сан-Антонио», вернулся в Испанию. Три оставшихся судна вошли в длинный скалистый проход, который сегодня называется Магелланов пролив и соединяет два океана.

Если проследить по карте путь Магеллана, проделанный по Тихому океану – к северу, к северо-западу, чуть больше к северу, потом прямо на запад, – складывается впечатление, что мореплаватель старался обойти все острова, рассеянные по океану.

Первое плавание Колумба через Атлантику, от Лас-Пальмаса до Сан-Сальвадора, заняло всего тридцать шесть суток, хотя на борту его судов был годовой запас провизии. Когда Магеллан вышел в Тихий океан, его путешествие длилось уже год. Паруса и такелаж судов пришли в плачевное состояние, и, несмотря на строжайший режим экономии, введенный для всех на

время зимовки, запасов провизии оставалось слишком мало. Моряки засаливали рыбу, выловленную у американских берегов Атлантики, не гнушались и мясом пингвинов.

Джордж Френч Ангас. Орнаментированные детали лодки маори. Гарпун для ловли рыбы. Идол предка Тики. Литография из альбома «Жители Новой Зеландии». 1847

Ветер неумолимо гнал каравеллы по неведомому океану. Магеллан располагал теми же морскими инструментами, что и Колумб: астрольбией, компасом, лагом, песочными часами и механическими, приобретенными у часовщика в Кадисе. Эти инструменты позволяли определять долготу примерно с той же точностью, с какой это делал Колумб.

В первые дни плавания по Тихому океану дул ровный попутный ветер. Ночью «Консепсьон» и «Виктория» ориентировались по огням, зажженным на корме «Тринидада» – флагманского корабля Магеллана. К северу от 34-й параллели ветер немного ослабел; ночи стояли великолепные. Тогда Магеллан и дал Южному морю название, которое сохранилось навсегда, – Тихое море (Тихий океан).

Дальше к северу ветер ослабевает еще больше, а жара усиливается. Корабли идут по сверкающему морю под огненным небом. Прошло больше месяца, как южная оконечность Америки была потеряна из виду.

И вот последние запасы соленой рыбы и мяса пингвинов съедены, пришлось питаться одними галетами. «Галеты, – писал Пигафетта, летописец экспедиции, – из хлебных сухарей превратились в смесь пыли и мышиного помета. Вода протухла, отвратительно пахла, пить ее было невыносимо». К галетам подмешивали древесные опилки, норму воды уменьшили до одного стакана в день на человека. Над океаном, спасаясь от акул, носились стаи летучих рыб, некоторые рыбы падали на палубу, и голодные моряки хватали их и пожирали сырыми. Среди матросов завелся обычай устраивать охоту на крыс – потом он еще долго сохранялся на старых парусных судах: «охотник» укладывался прямо на пол где-нибудь в темном закоулке с кусочком заплесневелой галеты в зубах, и когда подбегала крыса, он хватал ее голыми руками. Каждая стоила полдуката золотом.

В начале похода Магеллан объявил, что ни при каких обстоятельствах экспедиция не повернет назад: «Если надо, будем есть кожу на реях». И настал день, когда Пигафетта записал в своем дневнике: «Чтобы не умереть с голоду, мы ели куски кожи, которой обтянут большой рей. Пробыв больше года под дождями и ветрами, кожа так задубела, что ее приходилось вымачивать в морской воде четыре-пять дней, чтобы размягчить, а после сварить и съесть».

Неизвестный художник. Портрет Фернана Магеллана. XVII в.

Погода стояла прекрасная, но на всех судах разом объявился невидимый враг, который в ту эпоху доставлял судовым командам множество бед: цинга.

Полностью лишенные свежей пищи, иными словами, жизненного минимума витаминов, девятнадцать моряков Магеллана умерли от цинги – у них гноились десны, выпадали зубы, распухало нёбо, отекали ноги. Заболел и сам Магеллан, однако сумел выстоять.

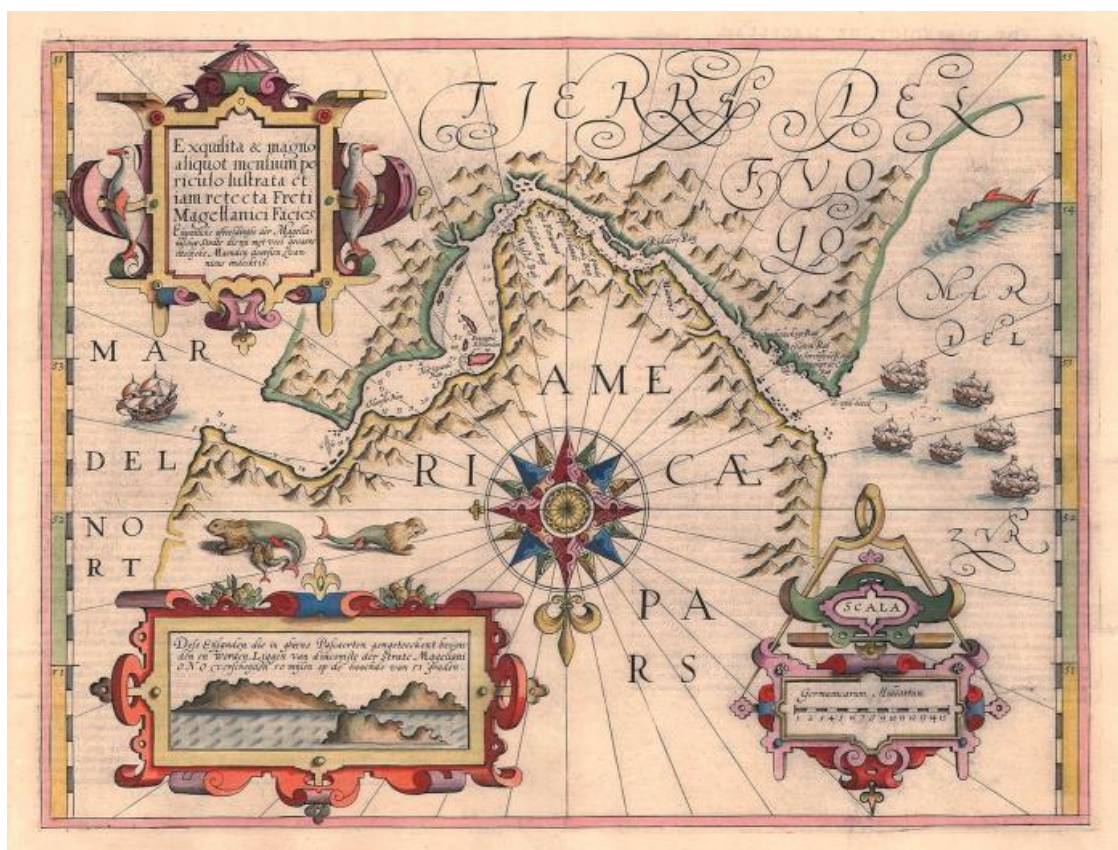
На горизонте заметили несколько скалистых островов, которые Магеллан назвал Несчастливыми. Наконец 14 января 1521 года показался остров, сплошь покрытый лесом, – но его, как назло, окружали непреодолимые рифы; 25 января – новый остров, новая надежда: увы, море вокруг кишело акулами. Остров так и назвали – Тибуронес, то есть Акулий.

Утром 6 марта, на сто десятые сутки отплытия с Огненной Земли, на горизонте появились три новых острова: не голые скалы, а берега, покрытые богатой растительностью. На одном внимание привлекал пляж с золотистым песком. Почти все историки сходятся во мнении, что речь шла о самом южном из Марианских островов, о Гуаме.

Корабли находились еще на большом удалении от пляжа, когда на море появилось множество пирога с балансирами. Рослые, обнаженные, светло-коричневые, с длинными волосами, собранными на макушке в пучок, туземцы виртуозно владели веслом. Еще мгновение, и они оказались на борту – дружелюбные, улыбчивые, болтливые. Простодушные туземцы хватали все, что подворачивалось под руку. Измученная команда не реагировала. Дикари утащили даже корабельную шляпку.

Магеллан отвел свои суда в открытое море, где дрейфовал всю ночь, не теряя остров из виду. Похоже, он колебался, поскольку давал себе слово не обижать туземцев. Но в то же время он, как и все, понимал, что речь идет о жизни или смерти, – надо любой ценой запастись провизией. На берег был высажен небольшой десант; моряки вернули украденные с кораблей вещи и доставили на борт рыбу, свиней, кокосовые орехи, бананы. В ходе этой вылазки семь дикарей были убиты. Когда Магеллан отплывал, его корабли окружало множество пирога, с которых в чужестранцев летел град камней. Магеллан назвал этот остров Воровским.

Так прошло первое столкновение европейцев с аборигенами Океании. Но не стоит делать поспешных обобщений. В отличие от обитателей некоторых других островов, гуамцы относились к разновидности «хороших дикарей», были настроены миролюбиво и никому не хотели причинять вреда. Просто понятие собственности, присущее западному человеку, было им неизвестно: по их представлениям, любой предмет, не защищенный табу, принадлежит тому, кто сумел его взять.

Карта Магелланова пролива, выполненная фламандским картографом Йодокусом Хондиусом. 1606

Измученные голодом и цингой стали возвращаться к жизни. Магеллан решил дать людям передышку, и корабли пристали к зеленому и, по всей видимости, незаселенному острову. И тотчас же туда устремились туземцы на пирогах. Магеллан велел команде укрыться в лесу,

а сам вышел на песчаный берег в сопровождении раба Энрике и хрониста Пигафетты. Энрике был малаец, уроженец Суматры; в Европу его привез португальский корабль, который доставлял пряности привычным торговым путем: Индия, мыс Доброй Надежды, побережье Африки. Магеллан привязался к Энрике и даже в своем завещании даровал Энрике свободу и назначил ему пенсию.

Состоялся обмен приветствиями. Новые туземцы выглядели иначе, чем гуамские «воры». В обмен на безделушки и гребенки они принесли большие корзины, наполненные рыбой.

Экспедиция Магеллана входит в пролив, соединяющий два океана. Литография. 1880

28 марта флотилия приблизилась к третьему острову. К судну подошла пирога, в ней сидело восемь мужчин.

– Спроси их, как называется остров, – распорядился Магеллан, обращаясь к верному Энрике.

Тот, недолго думая, обратился к туземцам на малайском, своем родном языке. От изумления местные жители онемели, а потом заговорили все разом: они понимали язык Энрике! Выходит, первым человеком, который совершил кругосветное плавание, был не белый, не европеец, а раб-малаец. Некогда он покинул Суматру, побывал в Индии, обогнул мыс Доброй Надежды, посетил Лисабон, а потом пересек Атлантику, обошел Патагонию и преодолел просторы Тихого океана.

Остров назывался Массауа, и правил там царек по имени Каламбу.

Ни малаец Энрике, ни Магеллан, ни моряки не осознали, по-видимому, всей важности своего невиданного подвига. Их занимала лишь одна мысль: Молуккские острова совсем рядом, а на них можно добыть пряности.

Восемь туземцев приняли подарки, потом пирога удалилась. Через несколько часов появились две большие лодки. В одной из них под балдахином из плетеного тростника восседал вождь. На борт адмиральского судна поднялась небольшая делегация, но вождь остался в лодке.

На следующий день Энрике высадился на острове, принял подарки и убедил вождя нанести визит Магеллану. Каламбу прибыл и на сей раз взошел на борт адмиральского судна «Тринидад». На нем был вышитый саронг, его волосы свободно падали на плечи. С ним прибыли шесть приближенных.

– Вам надо нанести визит великому правителю всех островов, – сказал он Магеллану. – Это раджа Хумабон. Он живет в Себу.

Себу – портовый город на острове того же названия в Филиппинском архипелаге. 4 апреля флотилия, возглавляемая Каламбу, покинула Массауа и 7 апреля подошла к Себу.

Уже на подходе Магеллан определил, что это большой порт. На рейде стояли чужеземные джонки. Для большей торжественности корабли произвели приветственный залп из орудий. Туземцы разбежались в разные стороны. Магеллан немедленно послал Энрике на берег заверить раджу, что чужестранцы прибыли с мирными намерениями. Раб объяснил Хумабону, что Магеллан, его хозяин, служит величайшему монарху на земле. По приказу испанского короля он пересек океан, чтобы добраться до островов пряностей, и специально завернул выразить почтение королю Себу. Он просит лишь об установлении деловых отношений.

Хумабон вовсе не был наивным дикарем. В своих владениях он ввел портовый сбор для прибывающих судов и холодно объявил Энрике, что его хозяин обязан подчиниться правилам.

– Столь могущественный адмирал, как мой хозяин, не может платить никаких пошлин!

– Все платят.

Властитель даже призвал в свидетели купца-мавра, который только что прибыл из Сиамы на небольшой джонке и беспрекословно уплатил пошлину.

Едва бросив взгляд на суда Магеллана, мавр догадался, что христиане вот-вот откроют последние, пока еще неведомые им острова пряностей. Что делать? «Не стоит торопить события, – подумал он, – потом решим, как поступить». Он с глазу на глаз дал Хумабону совет не вступать в конфликт с чужеземцами. Хумабон удивился, но освободил суда гостей от пошлины и пригласил посланцев Магеллана на пир. Угощение подавали на фарфоровой посуде, прибывшей прямо из Китая. Значит, Китай совсем рядом. Мечта Христофора Колумба добраться до Индии западным путем сбылась, и осуществил ее Магеллан.

Начался оживленный торговый обмен. Наибольший интерес у туземцев вызвало железо, твердый металл, который в их глазах был полезнее золота. За 14 фунтов железа они отдавали 15 фунтов золота, и Магеллану стоило большого труда запретить матросам обменивать на золото все подряд.

Он опасался, что если туземцы поймут истинную ценность золота, то начнут заламывать большую цену.

Отношения стали до такой степени дружественными, что правитель Себу и его приближенные выразили желание принять христианство. Вот что записал в своем дневнике Пигафетта об этом внезапном обращении в новую религию: «Магеллан предупредил их, что нельзя принимать христианство из страха или желания доставить нам удовольствие. Если они действительно хотят стать христианами, то должны это сделать по доброй воле и из любви к Богу. Если не желают переходить в христианство, никто не будет держать на них зла, но сознательно обратившиеся к христианской вере будут вознаграждены большой любовью и уважением. Все единодушно пожелали стать христианами – не из страха и не из желания угодить Магеллану, но по собственной воле. Они дали понять, что полностью полагаются на него и он должен относиться к ним как к своим подданным. Магеллан со слезами на глазах обнял их, взяв за руки властителя Себу и царька Массая, поклялся своей верой в Бога и преданностью государю, что отныне они будут жить в вечном мире с королем Испании. Они дали такое же обещание».

Отчет Пигафетты, изобилующий всевозможными подробностями, зачастую кажется весьма правдоподобным изложением событий. Но совершенно очевидно, что историограф писал по принятой в то время схеме. Эпизод с дикарями, по какому-то наитию обративши-

мися в новую веру, встречается во многих рассказах той эпохи. На самом же деле к этому шагу туземцев принуждали – иногда вежливо, иногда нет. По возвращении путешественникам полагалось отчитаться о числе обращенных в истинную веру язычников. По молчаливому соглашению алчные намерения европейцев прикрывались проповедью христианства. Хотя в лоно Церкви мог привести не только страх. Нередко туземцы соглашались стать христианами просто из выгоды, интереса, хитрости и любопытства – в надежде, что новый бог сделает их столь же могущественными, как люди, призывавшие ему поклоняться. Едва ли Магеллан угрожал властителям Себу. А старый хитрец Хумабон пытался извлечь максимальную выгоду из ситуации, сложившейся с приходом европейцев.

Себу, 14 апреля 1521 года. Магеллан еще не покидал своего корабля, но вел постоянные переговоры через Энрике и Пигафетту. Свой первый выход на берег он решил обставить со всей торжественностью.

Вот он приближается к берегу. Впереди движутся сорок вооруженных солдат, позади – офицеры и знаменосец. В миг, когда его нога ступает на сушу, корабли производят залп из всех орудий. Толпа в испуге разбегается. Но, увидев, что их правитель спокойно восседает на троне (он был предупрежден), свита поспешно возвращается, чтобы присутствовать при установке большого креста, перед которым правитель Себу, его сын и многие приближенные принимают крещение. Вместо языческого имени Хумабон правитель получает имя Карлос, его супругу нарекают Жанной, а дочерям дают имена Екатерина и Изабелла. Высшее общество острова и соседних островов не желает отставать, а потому корабельный священник до поздней ночи крестит обступивших его людей – десятки, сотни людей. А на следующий день прибывают туземцы со всей округи, прослышавшие про великолепную церемонию, которой руководит колдун-чужестранец. За несколько дней почти все вожди соседних племен приняли крещение и присоединились (не вполне понятно, как именно) к договору о союзе и дружбе между Магелланом и правителем Себу. В договоре сказано, что испанцы получают исключительное право на торговлю с островом Себу и соседними островами. В обмен Магеллан гарантирует новоявленным христианам защиту испанской державы.

Через неделю после церемонии адмирал получает послание от своего «протекже» Хумабона:

– Силапулапу поднял мятеж. Он отказывается повиноваться и грозит запретить вождям островов привозить мне товары для торговли с испанцами.

Силапулапу был мелким царьком крохотного острова, чье название с тех пор приобрело печальную известность: Мактан.

Фрэнк Тейер Меррил. Испанцы водружают крест на острове Себу 14 апреля 1521 года. Литография. Начало XX в.

21 апреля 1521 года. Десант из шестидесяти солдат под командованием самого Магеллана садится в шлюпки, чтобы пересечь пролив, разделяющий Себу и Мактан. На угрозу Магеллана применить силу Силапулапу отвечает, что «у его воинов тоже есть копья». Хумабон предложил Магеллану тысячу своих воинов. Адмирал отказался. Ему хотелось продемонстрировать силу своих войск. У Силапулапу имелась примерно тысяча человек, с луками и стрелами, а испанцы, хоть и малочисленные, были вооружены мушкетами и бомбардами.

Шлюпки испанцев приближаются к Мактану при свете дня. На берегу их поджидает туземное войско. Внезапно одна из шлюпок садится на мель, затем другая, третья... На расстоянии двух полетов стрелы от берега остров окружен коралловым рифом. Глубина здесь не более метра.

– Сорок человек следуют со мной, – приказывает Магеллан. – Мушкеты и бомбарды остаются в лодках – поддерживать огнем наше наступление.

Испанцы уверены, что при первых же выстрелах дикари обратятся в бегство. Они выпрыгивают из лодок и бредут к берегу по пояс в воде. Их грудь защищена кирасой, они вооружены пиками, шпагами и алебардами. Туземцы немного отходят вглубь, выпускают наудачу несколько стрел. Как только десант достигает суши, из шлюпок открывают огонь. Но ядра бомбард не долетают до берега. А пули мушкетов на таком расстоянии теряют убойную силу и не пробивают даже щиты туземцев.

– Прекратить огонь! – кричит Магеллан оставшимся в шлюпках солдатам.

Но те его не слышат. Полчаса бомбарды и мушкеты ведут бесполезную пальбу под крики и смех туземцев. Вот как описал Пигафетта конец сражения:

«Когда туземцы сообразили, что наши пули и снаряды им не страшны, они перестали отступать и, все громче крича, только прыгали из стороны в сторону, увертываясь от пуль. Прикрываясь щитами, они постепенно приближались и наконец обрушили на нас такой ураган стрел, что мы едва могли обороняться».

Чтобы отвлечь нападающих, Магеллан посылает нескольких человек поджечь соседние хижины. Туземцы бросаются в атаку.

«Когда они поняли, что у нас защищена грудь, а ноги открыты, они принялись стрелять по ногам. Капитану в ногу попала отравленная стрела, и он отдал приказ организованно, шаг за шагом, отступить».

За исключением семи или восьми человек, испанцы в беспорядке обратились в бегство. Туземцы преследовали врагов по неглубокой воде. По одежде они сразу узнали вождя белых... Магеллана теснят, он вонзает алебарду в грудь дикарю, но не в силах ее вырвать. В то же мгновение камень, пущенный из пращи, попадает ему в правый локоть. Пигафетта тоже ранен. Магеллан безуспешно пытается выхватить шпагу из ножен. Ему подбивают левую ногу, и он падает в воду. Его пронзает десяток копий.

«Так, – пишет в заключение Пигафетта, – был убит наш светоч, наша отрада, наш предводитель».

После смерти вождя испанцы повели себя самым жалким образом. Вместо того чтобы организовать контратаку и отбить тело Магеллана, они предложили царьку Мактана обменять останки прославленного капитана на стекляшки.

– Тело нашего врага не продается! – воскликнул Силапулапу.

И оставил его себе в качестве трофея.

Весь архипелаг узнал, что сразить повелителя грома и молнии Силапулапу было не труднее, чем подбить птицу.

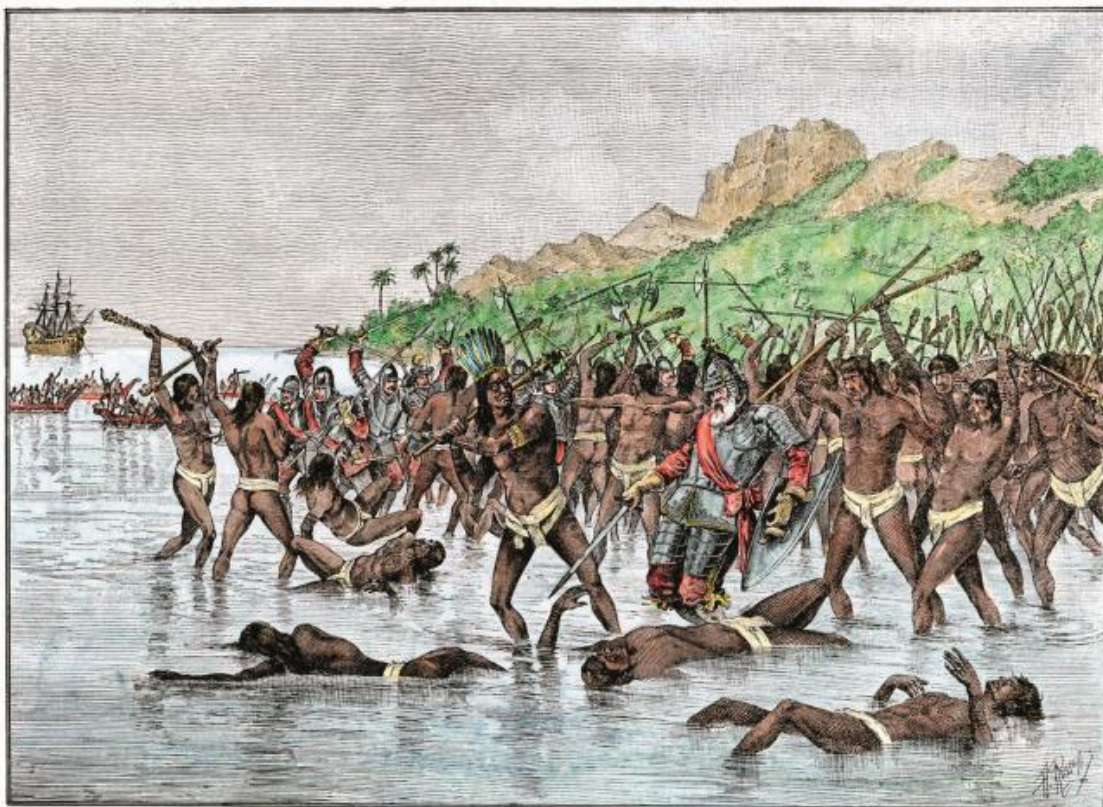
Нам никогда не узнать, что стало с телом Магеллана.

Отношение туземцев разом переменялось, и не только из-за поражения испанцев и жалкой торговли за тело Магеллана. После долгих месяцев воздержания матросы при первой возможности набрасывались на туземных женщин. Магеллану кое-как удавалось держать их в узде, но, когда он погиб, матросы вконец распоясались.

Офицеры избрали двух преемников Магеллана: адмиралом назначили его шурина Дуарте Барбозу, который несколькими днями ранее был разжалован из-за непристойной оргии, а его помощником – капитана корабля «Консепсьон» Карвальо. Барбоза начал с того, что совершил простительную глупость, которая обернулась трагедией.

Малаец Энрике, до последнего сражавшийся рядом со своим хозяином, был ранен и лежал в полузабытьи на борту «Тринидада». Барбоза бранью и тумаками заставил его подняться:

– Теперь ты мой раб и должен работать. Встать! Или отведаешь плетки!

Гибель Магеллана в битве при Мактане 27 апреля 1521 года. Литография. XIX в.

Все, кто при этом присутствовал, молча смотрели, как малаец с трудом поднимается и, не произнеся ни слова, направляется в кубрик.

Через несколько дней, перед самым отплытием, Барбоза решил обменяться с властителем Себу еще кое-какими товарами. Кого послать к нему с предложением, как не Энрике? Малаец выполняет приказ и возвращается с ответом: правитель приглашает нового адмирала и всех офицеров, готовых последовать за ним, на праздничный пир.

– Наверняка это ловушка, – считает Карвальо.

Барбоза пожимает плечами. Офицеры почти в полном составе покидают корабли и занимают места за пиршественным столом. Среди тех, кто остался на борту, раненый Пигафетта.

К вечеру он видит спешащую на веслах шлюпку с Карвальо и алыгвасилом Эспиносой.

– Готовится предательство. Быстро, людей и оружие!

Но с берега уже доносятся крики – избиение испанцев началось.

Карвальо отдает приказ открыть огонь, и от пушечного ядра загорается несколько хижин. Затем следует ужасная сцена. Один из офицеров сумел избежать расправы и что есть духу бежит к берегу. Туземцы настигают его, связывают, о чем-то спорят с ним. Энрике рядом, он переводит. Один из кораблей подходит к берегу на расстояние слышимости. Карвальо велит прекратить огонь. Окруженный дикарями офицер – его зовут Серран – кричит, что туземцы согласны отпустить его за выкуп:

– Они требуют две бомбарды и два медных мушкета.

– Пусть сначала отпустят вас!

– Они не хотят. Сначала надо прислать шлюпку с выкупом.

Серран, срывая голос, кричит все это испанцам, пока обступившие его туземцы потрясают копьями. Карвальо задумался. Послать шлюпку? А вдруг туземцы заберут шлюпку и выкуп, а пленника не отпустят?

Минута тянется бесконечно, потом Карвальо поворачивается к берегу спиной и дает команду поднять грот.

«Тринидад», «Консепсьон» и «Виктория» развернули свои форштевни в открытое море. На берегу в тело Серрана вонзились копья. И следом туземцы валят на землю большой крест, который поставили во славу бога белых.

В итоге испанцы потеряли, кроме Магеллана, двух капитанов, которые лучше других знали побережье Восточной Индии, – Барбозу и Серрана. Переводчик Энрике добровольно остался в Себу. Из 265 человек команды уцелело всего 50 – едва хватило, чтобы выйти в море на двух судах. Было решено пожертвовать каравеллой «Консепсьон», которая давно дала течь.

Из Севильи в экспедицию отправилось пять судов. Первой жертвой стал «Сантьяго», разбившийся у берегов Патагонии. «Сан-Антонио», посланный на разведку в пролив, ныне именуемый Магеллановым, вернулся в Испанию. Теперь лишились и «Консепсьона». Остаются «Тринидад», бывший адмиральский корабль Магеллана, и самый маленький корабль флотилии – «Виктория».

Карта Висайских островов (Филиппины) из «Отчета» Пигафетты. 1525 (в центре изображен остров Мактан и указано место гибели Магеллана)

Полгода уцелевшие члены экспедиции разбойничают на Малайских островах. Они захватывают джонки на море и занимаются грабежом на берегу: берут в плен вождей и требуют за них выкуп. Они распутничают и устраивают оргии. Карвальо подает пример, живя на борту судна сразу с тремя малайками. Даже его соратникам показалось, что это уж слишком, и его сместили. И вот новые выборы. Избран триумвират: альгвасил Гомес де Эспиноса и штурманы Бонсеро и Элькано. Хуан Себастьян Элькано, баск по происхождению, был замешан в мятеже на Атлантическом побережье Южной Америки. Магеллан его помиловал и позволил остаться на прежней должности, и с тех пор он присмирел, но теперь решил, что настал его час. Он отправится на Молуккские острова, загрузит побольше пряностей и вернется в Испанию.

По пути испанцы захватили большой корабль, разграбили его и захватили в плен туземца, уроженца острова Тернате.

– Ты знаешь эти места. Если дорожишь жизнью, води нас к Молуккским островам.

8 ноября 1521 года «Тринидад» и «Виктория» бросают якоря перед Тидоре. «Штурман, – пишет Пигафетта, – заявил нам, что это один из Молуккских островов. Мы возблагодарили Бога и на радостях дали несколько пушечных залпов».

Тидоре был чудесен, жители проявляли неслыханную сердечность. Вождь туземцев оказал испанцам радушный прием и без возражений признал верховенство испанского короля. Испанцы загрузили в трюмы внушительное количество драгоценных пряностей, провизии и золотого песка.

– Вот где рай, – мечтательно говорили испанские моряки, – хорошо бы остаться здесь навсегда.

Но 18 декабря триумвират Эспиноса – Бонсеро – Элькано отдает приказ об отплытии. И почти тут же «Тринидад» садится на мель и дает течь. Отплытие под вопросом.

– Нет, – заявляет триумвират после обсуждения.

Альгвасил Гомес де Эспиноса и пятьдесят матросов остаются для подъема и ремонта «Тринидада». Корабль возьмет курс на Америку и пройдет северной частью Тихого океана. «Виктория» вернется в Испанию в обход мыса Бурь (мыса Доброй Надежды).

Памятник вождю Силапулапу в Маниле
© artran

«Виктория» в одиночестве покинула Тидоре. Ею командовал Элькано, который старался пожить в пряностях и на других островах Малайзии. Плавание среди островов длилось долго, потому что Элькано хотел покупать дешевле, да и привычка пиратствовать не забылась. Только 13 февраля 1522 года «Виктория» окончательно отплыла с Тидоре¹ в Севилю. Расстояние – 30 тысяч километров.

Морской путь из Ост-Индии в Испанию был далеко не таким пустынным, как просторы Тихого океана, которые пересек Магеллан. Здесь имелись порты, ходило множество судов. Но порты и суда принадлежали португальцам, и, значит, всякая стоянка исключалась. Кроме того, до Элькано дошел слух, что на поиск экспедиции Магеллана послан португальский военный корабль и у него есть приказ уничтожить суда и людей. Испанцы вторглись в португальские владения, и после смерти адмирала команда, судя по всему, занялась морским разбоем.

В момент отплытия с Тидоре Элькано предупредил команду:

– Никаких остановок, главное – не попасть в руки португальцев.

Он еще не знал о судьбе моряков «Тринидада», которые отплыли с острова в апреле 1522 года.

Вскоре потрепанное непогодой судно вернулось на Молуккские острова, где на него напала португальская эскадра. Судно затонуло. Команда, 45 человек, целых пять лет томилась в тюрьмах, в жутких условиях. Домой вернулось только четверо.

Элкано взял курс на юго-запад, хотел пройти подальше от мыса Бурь – мыса Доброй Надежды. На борту все шло без сбоев; Элькано крепко держал власть в руках и, как многие баски, был прирожденным мореплавателем.

Недели шли за неделями, и, пока «Виктория» пересекала Индийский океан, моряки видели только море и небо. Внезапно на борту объявился незримый враг.

Провизией запаслись на пять месяцев, в основном мясом, но его не сумели хорошо засолить, и под испепеляющим солнцем оно протухло. Пришлось выбросить его за борт и перейти на рис. Если несколько недель питаться одним рисом, начинается авитаминоз, потом приходит цинга. Цинга свирепствовала на борту «Виктории», трупы выбрасывали за борт, как перед этим выбросили тухлое мясо.

Матросы умоляли Элькано сделать короткую остановку к востоку от мыса, в устье Рио-дель-Инфанте². Увы, местность пустынна и неплодородна. Больные умоляют: надо отправиться в португальский Мозамбик.

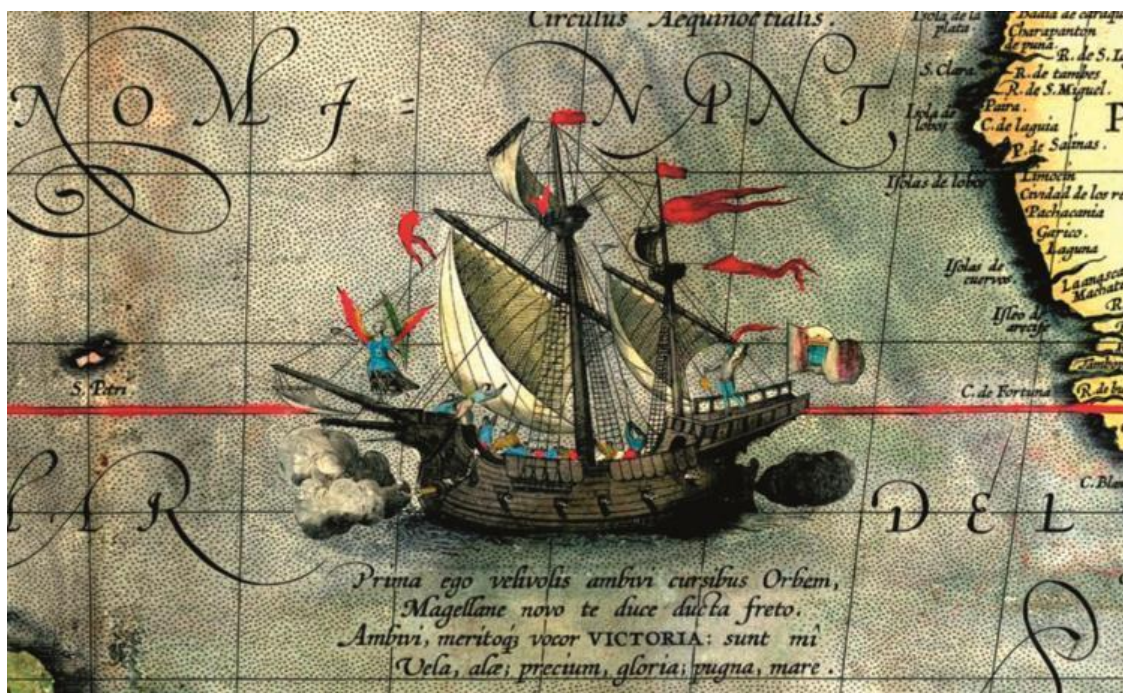
– Корабль захватят, но мы останемся в живых!

– Никогда!

И Элькано хватается за рукоять шпаги. Бывший мятежник говорит и действует точно так же, как Магеллан.

¹ Видимо, автор спутал два созвучных названия островов – Тидоре и Тимор, который «Виктория» покинула 13 февраля 1522 г.

² Вероятно, имеется в виду река Грейт-Фиш в Южной Африке, которая впадает в Индийский океан.

Каракка «Виктория» – корабль экспедиции Магеллана. Изображение на карте из атласа Абрахама Ортелия «Theatrum orbis terrarum» («Зрелище круга земного»). Издание 1590 г.

В районе мыса Доброй Надежды буря сломала фок-мачту «Виктории» и расщепила грот-мачту. Измученные матросы, едва держась на ногах, как могли исправили поломку. Борясь с сильнейшими встречными ветрами, Элькано двадцать раз повторял попытку обогнуть опасный мыс. Наконец ему это удалось, и судно вышло в Атлантику. Цинга на борту продолжала косить людей; всего погиб двадцать один человек. 9 июля на горизонте появились острова Зеленого Мыса. Провизии осталось на два дня.

– Здесь сделаем остановку, – говорит Элькано. – Но будьте осторожны: острова принадлежат португальцам. «Виктория» бросит якорь в открытом море. За провизией поплывете на шлюпке. И никому ни слова, что мы из экспедиции адмирала Магеллана! Говорите, что плывем из Америки, а сюда занесло бурей. Дайте клятву, речь идет о нашей жизни.

Матросы поклялись, шлюпка направилась к суше. Португальцы согласились продать мясо, овощи и фрукты. Сыграла роль морская солидарность. Шлюпка трижды отправлялась за продуктами без всяких происшествий. Но вернувшиеся на борт матросы в недоумении сообщили:

- Португальцы утверждают, что сегодня четверг.
- Четверг? – удивляется Элькано. – Сегодня среда, если я не ошибаюсь.

Эти мореплаватели, как и моряки всего мира, еще не ведали той истины, которая вскоре взволнует весь научный мир. Во время кругосветного плавания прибавляются или теряются сутки – в зависимости от направления похода.

После возвращения экспедиции астрономы разьяснят эту тайну календаря. Земля не просто круглая, но еще и вращается, а потому, плывя без остановки на запад, те, кто совершил кругосветное плавание, за год теряют сутки в связи с видимым вращением солнца.

...Шлюпка в четвертый раз отплывает на остров. Элькано наблюдает суету в порту. Крупное судно, полное вооруженных людей, отходит от причала и направляется к «Виктории». Неужели кто-то из матросов неосторожно проговорился, пытаясь получить спиртное в обмен на пряности? Все возможно. Элькано унаследовал решительность Магеллана. Ударом топора рубится трос якоря, поднимаются паруса! Весь день «Викторию» преследуют четыре португальских корабля, но она пытается уйти, подняв все паруса.

Однако и на всех парусах истрепанная «Виктория», скрипя такелажем, еле двигалась. Из 66 человек команды, отплывших с Островов пряностей, осталось только 18, и те были почти инвалидами. Трюм «Виктории» заливало, приходилось без усталости откачивать воду, а четыре португальских парусника не отставали.

– Капитан, сбросим груз в море, тогда сумеем набрать скорость!

Элькано велел выкинуть за борт 10 тонн корицы – и все. Он мечтал вернуться на родину, но не нищим. Его энергия сумела воодушевить едва живых моряков. В конце концов португальские преследователи отстали. С островов Зеленого Мыса судно ушло 13 июля. И только 4 сентября 1522 года раздались крики радости: люди увидели мыс Сент-Винсент.

Керамическое панно в честь первого кругосветного плавания Магеллана и Элькано. Сан-лукар-де-Баррамед (Испания). XX в.

6 сентября «Виктория» вошла в порт Санлукар, откуда некогда отплыла. Ее взяли на буксир, чтобы провести по Гвадалквивиру. Собравшиеся на берегах жители и моряки с недоумением смотрели на истерзанный корабль, спрашивая себя, откуда он прибыл. Название «Виктория» им ни о чем не говорило. Испанцы уже давно считали, что экспедиция Магеллана сгинула со всеми людьми и грузом. О ней почти забыли.

Экспедиция вернулась на единственном судне с 18 моряками на борту. Но она выполнила свою миссию и привезла пряности. За 1080 суток она прошла 46 280 морских миль, или 85 700 километров. Сидя в своей каюте, Элькано писал отчет для короля: «Довожу до сведения Вашего Величества, что мы нашли камфору, корицу и жемчуг. Покорнейше просим оценить по заслугам тот факт, что мы совершили кругосветное плавание. Отплыв на запад, мы возвратились с востока».

Элькано был принят Карлом V и возведен в дворянское достоинство. Все выжившие получили вознаграждение. О стоимости пряностей в ту эпоху говорит одна деталь из бухгалтерских книг: хотя те, кто финансировал экспедицию Магеллана, давно потеряли надежду вернуть вложенные деньги, груз маленькой «Виктории» полностью покрыл их расходы и даже принес доход в 4 процента.

Наследники Магеллана должны были, по контракту с королем, получить пятую часть от всех доходов экспедиции. Кроме того, правительство было обязано передать им в управление открытые острова. Но потребовать наследство было некому. Жена Магеллана умерла, как и их старший сын; умер и второй сын, которого мореплаватель так и не увидел, поскольку тот родился после отплытия экспедиции. Пигафетта предварил свой отчет следующими словами:

«Надеюсь, что слава столь благородного капитана со временем не угаснет. Среди многочисленных добродетелей, которые украшали его, одна была особо замечательной: он всегда был самым стойким, даже в тяжелейших испытаниях. Он терпеливее других переносил голод. Не было человека на земле, более сведущего в картах и науке мореплавания. В моих словах заключена правда о его открытиях, о том, что до него не могли ни увидеть, ни открыть».

Слава Магеллана осталась жить в веках. Для совершения подвига более великого, чем его подвиг, человеку потребовалось покинуть планету Земля.

Глава вторая

Пионеры и робинзоны

Бадахос, испанский городок рядом с португальской границей, находится на широте Лисабона. Бывшая столица небольшого мусульманского королевства, он занял после Реконкисты стратегическое положение. В 1524 году там жили примерно 15 тысяч человек (сейчас здесь 100 тысяч жителей) – значительное население для Испании той поры. Весной того года он насквозь пропах навозом из-за множества ослов, мулов и лошадей, двигавшихся по грязным и пыльным улицам городка или привязанных возле убогих постоялых дворов. В Бадахосе состоялась, если так можно сказать, первая международная конференция. Таково было непосредственное следствие успеха экспедиции Магеллана.

Почти сразу после прибытия в Санлукар «Виктории» под командованием Элькано португальское правительство направило в Севилью ноту протеста: «Наши права в Тихом океане были попорчены». Испанское правительство утверждало обратное. На конференцию в Бадахос прибыли мореплаватели и космографы. Научное собрание должно было решить, пересекла ли экспедиция Магеллана, приплывшая с Молуккских островов, долготу, установленную во время раздела мира папой Александром VI в 1494 году. Даже для переговорщиков, желавших добиться согласия, решение было трудным: ни одни часы в мире не были достаточно точными для верного расчета долготы. Во время переговоров нередко слышались брань и удары кулаком

по столу. Испанцы и португальцы расстались, так и не придя к решению. Никто из присутствовавших, похоже, не сознавал, сколь смехотворной была эта дискуссия в захудалом Бадахосе о разделе водной стихии, занимающей треть планеты.

Магеллан совершил беспрецедентный подвиг, а два или три века спустя мир узнает имена Бугенвиля, Лаперуза, Дюмон-Дюрвиля, исследовавших тихоокеанские просторы и оставивших увлекательные путевые записки. Но между двумя этими эпохами Тихий океан бороздили с востока и с запада сотни небольших парусников, тесных и зловонных, зачастую с командой лихих авантюристов, висельников, флибустьеров, торговцев, китобоев, охотников на тюленей и акул. За это время Тихий океан неоднократно пересекали мореплаватели, чьи имена известны лишь морским историкам и фанатичным любителям истории путешествий. Кто, кроме специалистов и таких увлеченных любителей, знает имена Лоайсы или Урданеты, испанских монахов-моряков, португальского штурмана Кираса и экстравагантной «адмиральши» Изабеллы де Баррето? Мы на какое-то время взойдем на борт их судов и возблагодарим Небеса, что наше путешествие пройдет лишь на бумаге!

После бадахосской конференции испанское правительство решило закрепиться на Молуккских островах, в сокровищнице пряностей, и снарядило морскую экспедицию, которая должна была добраться до островов тем же путем, что и Магеллан: пересечь Атлантику, с юга обогнуть Американский континент, пересечь Тихий океан, – семь кораблей с экипажем численностью 450 человек под командованием монаха по имени Гарсиа Хофре де Лоайса. В те времена среди монахов было много невежественных, но в этой среде встречались и образованные люди, сведущие в математике и космографии, вполне подходящие для дальних плаваний. По прибытии на Молуккские острова Лоайса должен был стать их губернатором. Баск Элькано, вернувшийся на родину уцелевших членов экспедиции Магеллана, также участвовал в этом походе в качестве главного штурмана и заместителя командира экспедиции.

Начало не сулило ничего хорошего. «Анунсиада» затонула еще в Атлантике; «Сан-Габриель» попал в бурю, повернул обратно и пропал. Корабль Элькано «Эспирито-Санто» потерпел кораблекрушение в Магеллановом проливе, проход по которому занял три месяца. Элькано

чудом спасся и перебрался на флагманское судно «Санта-Мария де ла Виктория». В западной части пролива буря рассеяла остатки эскадры. Уцелело всего два корабля.

На борту «Санта-Марии» не было такого хрониста, как Пигафетта, и историкам, пытавшимся воссоздать подвиг Лоайсы, который после Магеллана пересек Тихий океан с запада на восток, пришлось довольствоваться сухими записями в бортовых журналах. Имена, даты и даже громадные расстояния ни о чем не говорят, если не постараться представить себе хотя бы приблизительно, как малы были суда дальнего плавания той эпохи (от 20 до 25 метров в длину) для того количества людей, которое размещалось на борту.

Не следует забывать о скученности, тесноте, разных неудобствах. Долгие месяцы плавания люди спали не раздеваясь, на палубе или в трюме, в зависимости от погоды. При отсутствии туалетов естественные нужды справлялись прямо через борт (если позволяла погода), укус был единственным средством гигиены, пища портилась уже через две недели похода, расход пресной воды был строго ограничен. Если же вам нужно было помыться или постирать белье, приходилось черпать забортную воду – когда качка не слишком сильная. (Кстати, вы пробовали стирать морской водой?) И такая жизнь длилась месяцами, а если вы, не дай бог, получили ранение или заболели, то вам оставалось лишь читать покаянные молитвы.

Такая судьба постигла и Лоайсу, главу экспедиции. Он добрался (как и Магеллан) до острова Гуам, затем в районе Филиппин потерял предпоследний корабль, а 30 июля 1528 года умер от истощения на Молуккских островах. Элькано, который заменил его, был также в наилучшем физическом состоянии и скончался через три дня после того, как возглавил экспедицию.

Помолчим минуту... Вблизи острова Хальмахера, что в Молуккском архипелаге, медленно движется «Санта-Мария де ла Виктория», второе в истории мореплавания судно, добравшееся до этих мест из Европы. Новый штурман монах-августинец Урданета дает команду; матросы приносят на корму большой продолговатый сверток, к которому привязано несколько булыжников, и кладут его на навощенную доску. Отходная молитва уже прочитана, штурман-монах осеняет усопшего крестом, матросы приподнимают конец доски – плюх! Судно набирает ход и удаляется на всех парусах. «Санта-Мария» продолжает путь. Первый капитан, совершивший кругосветное плавание, умер в море. Элькано опущен в воды этого громадного океана, который покорила сначала Магеллан, а за ним – Лоайса.

Станет ли штурман-монах Урданета, который приведет «Санта-Марию» к острову Тернате, губернатором Молуккских островов? Это противоречило бы уставу ордена, кроме того, на Тернате обосновались португальцы, и они угрожают вновь прибывшим. Карл V, извещенный о ситуации (на обмен депешами ушло более года), отдает испанцам приказ: «Возвращайтесь!» А португальцам, которые здесь уже хозяйничают, король продает «колонии Молуккских островов» за 350 тысяч дукатов. Португальцы выплачивают требуемую сумму, чтобы не ссориться с могущественным императором. Что касается Карла V, то его теперь интересует золото, а не пряности. Политические цели с каждым днем требовали все больше золота.

Вся история географических открытий убеждает нас в том, что по крайней мере до XVIII века научный интерес вдохновлял путешественников далеко не в первую очередь. Разбогатеть, сколотить капитал – вот зачем люди отправлялись в дальние плавания. В этом смысле с тех пор мало что изменилось. Конечно, миссионеры отправлялись в путь, чтобы нести туземцам Слово Божие, хотя зачастую жажда наживы оказывалась важнее. Но случалось, что религиозные побуждения бывали вполне искренними.

Игнасио Сулоага. Портрет мореплавателя Хуана Себастьяна Элькано. До 1945

15 августа 1534 года в склепе небольшой часовни (ныне не существующей) на Монмартре, в пригороде Парижа, собрались шесть мужчин в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Через некоторое время к ним присоединился еще один, постарше, облаченный в сутану, – некрасивый, тщедушный, хромой. На мгновение преклонив колени, он заговорил:

– Наша миссия по распространению христианства не будет иметь успеха, если мы не заручимся поддержкой высоких церковных иерархов. Но прежде нам нужно доказать, что мы без всяких условий готовы служить Церкви.

По-французски священник говорил с акцентом. Это был испанский баск, сорока трех лет, и звали его Игнатий Лойола. Младший ребенок в семье, где было тринадцать детей; паж при испанском дворе, безнадежно влюбленный в королеву; бретер и повеса, заставлявший забыть о своих физических недостатках благодаря безумной отваге, и дуэлянт, убивший соперника. Нога, сломанная при осаде Памплоны, приковала его к постели, лишив возможности вести

светскую жизнь. У него вдруг появилось время основательно изучить жизнь Христа – и по-настоящему уверовать.

Сверх меры охваченный религиозным пылом, так что это вызывает подозрения даже у инквизиции, он пишет книгу, ставшую одним из «бестселлеров» религиозной литературы: «Духовные упражнения», а в 1534 году становится магистром искусств в Парижском университете. Его слушателями в крохотной часовне Монмартра были молодые испанцы и португальцы, прибывшие в Париж за университетскими знаниями и уже знакомые с «Духовными упражнениями». Один из них, дворянин, уроженец Памплоны, преподаватель коллежа в Бове, носил имя Франсиско Хавьер и отличался атлетическим сложением, пылким нравом и благородством помыслов.

В те времена дела в Церкви вершились неспешно. Только в 1537 году Франсиско Хавьер, рукоположенный в священники, приехал в Рим вместе с Игнатием Лойолой и его учениками. И лишь в 1540 году папа Павел III (есть великолепный портрет папы, написанный Тицианом) признал абсолютную преданность группы, прибывшей из Парижа, и издал буллу, основав орден Иисуса.

Виктор Вильян. Портрет Андреса де Урданеты. Конец XIX в.

Накануне посол Португалии в Риме сообщил понтифику, что король Жуан III просит предоставить ему надежных миссионеров для отправки в Ост-Индию. Павел III обратился к Лойоле, и тот указал на Франсиско Хавьера и еще одного иезуита. В конце концов Хавьер в одиночестве отплыл из Лисабона на паруснике ост-индского флота.

Считать ли этого апостола Ост-Индии искателем приключений или просто путешественником – факт остается фактом: не многие избородили Тихий океан, как он, побывав на Зондском архипелаге и Молуккских островах, в Китае и Японии. Прибыв в Ост-Индию, где португальцы основали множество прибрежных колоний, он был настолько потрясен увиденным, что без колебаний отправил послание лично королю Жуану III: «Слишком часто обращением в христианство прикрывают постыдную жажду наживы и бессовестную эксплуатацию людей. Когда-нибудь Вашему Величеству придется давать отчет перед Господом Богом».

Полтора года Франсиско Хавьер проповедовал и обращал в христианство туземцев на Молуккских островах. На полуострове Малакка он встретил японского купца Ядзиро и, наслушавшись его рассказов, решил: и в этой стране также есть души, которые надо обратить к Христу.

В 1549 году через Малакку и Кантон³ Франсиско Хавьер добирается до Кагосимы, на южной оконечности острова Кюсю, самого южного среди крупных островов Японии.

В 1545 году город представлял собой скопление невысоких домов с черепичными или соломенными крышами в окружении тенистых долин и вулканических гор, покрытых сосновыми лесами. По преданию, именно этот остров избрал для своего сошествия на Землю Ниниги, внук богини Солнца и предок всех микадо (японских императоров). Религия японцев – синтоизм, приправленный буддизмом и конфуцианством. При отсутствии священного писания, строгих догм и обрядности синтоизм больше напоминает духовно-философское учение о нравственности в широком смысле. Главная роль отводится культу предков.

Неизвестный художник. Игнатий Лойола и Франсиско Хавьер перед чашей Св. Грааля. 1600

Франсиско Хавьеру японцы сразу пришлись по душе: «Насколько я могу судить, добротелью и честностью они превосходят другие известные нам народы. Они приветливы и доброжелательны; в них нет коварства, и честь им всего дороже». Все, что миссионер написал

³ Старинное европейское название города Гуанчжоу.

о политической и социальной структуре Японии той эпохи – централизованная власть, единый язык, учебные заведения, подобные европейским университетам, почти полное отсутствие неграмотных, – впоследствии подтвердилось.

Сегодня можно только удивляться, с каким интересом и даже пылом Япония встретила первого католического проповедника. Больше двух лет Франсиско Хавьеру сопутствовал успех. Японию он покинул 30 ноября 1551 года, поручив двум иезуитам продолжить свою миссию. Им помогали многие новообращенные из местных жителей. На острове Кюсю христианство приняли десятки тысяч людей. Через тридцать лет после отъезда Франсиско Хавьера количество новообращенных достигло 150 тысяч.

Этот успех, вероятно уникальный в истории христианского миссионерства, был практически сведен на нет жестокими гонениями, начавшимися в 1616 году. Рассказ о причинах этих драматических перемен не входит в задачи данной книги, тем более что Франсиско Хавьер до конца своей земной жизни об этом не знал.

В 1552-м, через год после отбытия из Японии, португальский парусник «Санта-Крус» стал на якорь перед бесплодным и пустынным островком Шанчуань, расположенным неподалеку от Кантона. На берег проповедник сошел глубокой ночью, словно в шпионском романе. История и впрямь почти детективная.

Иезуиту нужно было тайно проникнуть в Китай, чтобы вызволить португальцев, томившихся в кантонских застенках, где их ждала неминуемая гибель. Они заплатились за разбойные действия португальской эскадры – Китай даже ввел запрет на въезд иностранцев. Франсиско Хавьер заручился поддержкой контрабандиста, который за груз перца большой ценности тайно переправил его в Китай. «А уж там, в Китае, я с Божьей помощью сумею повлиять на власти».

Но миссионер допустил оплошность, заранее оплатив услуги контрабандиста. Он все ждал и ждал на неприютном острове, но никто не появлялся. Прошло несколько дней, и на него «напала лихорадка». Франсиско Хавьер был крепкого сложения и не стар, ему только минуло сорок шесть лет, но годы странствий и лишений сказывались на его здоровье.

Андре Рейнозо. Св. Франсиско Хавьер благословляет флот португальцев. 1619

Проповедника сопровождал верный слуга-китаец Антонио. Он перевез хозяина на борт «Санта-Круса», еще не снявшего с якоря. Но поднялся сильный ветер, и на море началось такое волнение, что больной был не в силах оставаться на судне. Наутро шлюпка, не раз рискуя перевернуться, снова отвезла его на берег злосчастного острова. Измученный, вымокший до нитки и продрогший, Франсиско Хавьер впал в полузабытье. «Он говорил по-баскски и читал псалмы, – рассказывал позже слуга. – С именем Иисуса на устах и с миром в сердце он отдал душу Богу». Это случилось 3 декабря 1552 года в два часа ночи. «Санта-Крус» доставил тело усопшего в Гоа, где оно покоится и поныне.

Незадолго до своей гибели от рук туземцев Магеллан назвал группу островов, где расположен Себу, архипелагом Святого Лазаря, потому что именно здесь моряки, умиравшие от истощения, вернулись к жизни. Позднее другие мореплаватели называли архипелаг Филиппинами в честь принца Филиппа, наследника Карла V. Став королем, Филипп решил окончательно присоединить эти острова к Испании.

Монах-августинец Урданета после экспедиции Лоайсы вернулся в свой монастырь. Он предавался самобичеванию в келье, когда ему передали распоряжение приора: отложить все дела и собираться в Америку.

– Вице-король Мексики снаряжает экспедицию на Филиппины. Вы назначаетесь штурманом. С вами поплывут четверо наших братьев.

Неизвестный художник. Крещение язычников св. Франсиско Хавьером. XVIII в.

Монахи-моряки всегда высоко ценились. В экспедиции под командованием Мигеля Лопеса де Легаспи принимали участие 5 кораблей и 400 человек. 3 февраля 1565 года Урда-

нета благополучно привел флотилию на Филиппины. Через три месяца Легаспи приказал ему на одном из судов вернуться в Мексику с грузом пряностей.

Урданете предстояло пересечь Тихий океан с запада на восток – этого еще никто и никогда не совершал.

– Сначала пойдем на северо-запад, чтобы избежать встречных течений, – сказал Урданета. – А там посмотрим.

У монаха была одна идея, и он хотел ее проверить. Умело используя переменные ветры и следуя вдоль побережья Японии, Урданета прошел в более высокие широты. На 43° северной широты он убедился в том, что интуиция его не подвела: здесь преобладали попутные ветры, воспользовавшись которыми он поплыл на восток-юго-восток и дошел до калифорнийского побережья, откуда спустился к порту Акапулько; там он и причалил 30 октября 1565 года. Урданета с непревзойденным успехом использовал при плавании по водным просторам в обоих направлениях (12 000 километров туда и столько же обратно) течения и попутные ветры, открыв путь из Мексики на Филиппины, который стал обычным путем галеонов. Создав этот навигационный шедевр, он вернулся в обитель.

В XVI веке существовало некое основанное на религии географическое представление: Создатель точно уравновесил на Земле сушу и море. Поскольку в Северном полушарии обнаружили огромные водные просторы (подвиг Урданеты показал, что к северу от экватора Тихий океан пуст), значит на юге должен существовать большой континент, уравнивающий океан. Даже когда голландцы ван Димен и Тасман исследовали берега Австралии (с 1616 по 1643 год), поиски пресловутого Южного материка не прекращались. Но об Австралии, которую омывает не только Тихий, но и – в большей мере – Индийский океан, мы подробнее поговорим в книге об Индийском океане.

В 1567 году вице-король Перу Франсиско де Толедо устраивал в своем дворце в Лиме пышные приемы. Однажды вечером он выслушал математика-мореплавателя по имени Гамбоа, который рассказал ему один эпизод из истории инков:

– Вождь Тупак Юпанки после девятимесячного плавания по Тихому океану наконец ступил на сушу. То был обширный материк в южной части океана.

– Когда это случилось?

– Трудно сказать точно. Календарь инков отличался от нашего. Но из летописей известно, что Тупак Юпанки привез из экспедиции черных рабов, а также большое количество золота и серебра.

Нередко рассказы о легендарных подвигах оказывались чистым измышлением с целью восхваления того или иного правителя. Но жажда золота у испанцев была неистребима. 20 ноября 1567 года Франсиско де Толедо отправил из Лимы два корабля с экипажем сто пятьдесят человек, среди которых было четыре монаха. Одним судном командовал Гамбоа. Номинальным главой экспедиции был Альваро Менданья де Нейра, молодой человек двадцати двух лет, совершенно несведущий в искусстве мореплавания. Но у него имелось неоспоримое достоинство: он был племянником вице-короля.

15 января 1568 года экспедиция открыла островок, названный Хесу. Моряки разглядели на нем пальмы и пироги. Но причалить они не сумели из-за сильного течения. Чуть позже один из кораблей едва не сел на коралловый риф. 17 января суда подошли к гористому острову, который назвали Санта-Исабель. На этот раз высадка состоялась. Был составлен протокол о присоединении острова к Королевству Испании. Вскоре выяснилось, что вопросы подданства туземцев никоим образом не беспокоили, а любимым занятием у них было поедание себе подобных. (В качестве торжественного дара один из вождей преподнес Менданье запеченную молодую человечину, самую отборную и сочную часть. Ужаснувшийся испанец велел похоронить останки, но туземцы сочли такой поступок оскорблением.) Испанцев не остав-

ляла надежда обнаружить Южный материк, но им встречались лишь разрозненные острова. Один из них, по словам туземцев, назывался Гуадалканал. Это название, остававшееся неизвестным долгие века, прогремело во время Второй мировой войны. Потом на одной из островных групп наконец обнаружили следы золота, и по этой причине Менданья назвал их Соломоновыми. Так они называются до сих пор. До Акапулько экспедиция, борясь со штормами, смогла добраться 22 июня 1569 года, так и не обнаружив Южного материка.

– Я уверен, что он существует, – твердил Гамбоа Менданье.

Оба вернулись в Перу, и Менданья принялся упрашивать дядю снарядить вторую экспедицию. Вице-король отвечал:

– Настали суровые времена. Английские корсары грабят наши владения.

Речь шла о Дрейке и Кэвендише, которые промыслили у берегов Чили, Перу и Мексики. А после разгрома Непобедимой армады в 1588 году стало еще тяжелее.

– Сейчас, как никогда, требуется золото! – подхватывал Менданья. – А на Южном материке его полно.

Спор растянулся на годы. Упрямец так умело искушал Толедо блеском золота, что тот наконец уступил. 16 июня 1595 года Менданья отплыл из Паиты (Перу) на четырех судах и с четырьмя сотнями людей. Штурманом назначили португальца Кироза, «переметнувшегося» к испанцам. О нем почти ничего не известно, а жаль: это была необычная личность, в его характере странно сочетались мистицизм и стремление действовать.

Если повторять одно и то же двадцать пять лет подряд, то и сам уверуешь в свои слова. Менданье исполнилось сорок восемь лет, и он был до того убежден в существовании Южного материка, что всерьез собрался основать там колонию и даже взял на борт полсотни семей. Его самого сопровождала молодая красивая жена, Изабелла де Баррето. Мечтая о славе Колумба Тихого океана, он пытался заранее выговорить себе всевозможные права и привилегии.

– Я стану вице-королем всех открытых земель и получу право чеканить монету.

Вице-король Перу сказал «да», рассудив, что не особо рискует. Как и во время первого путешествия, на пути к большому Южному матерiku морякам встретились неведомые прежде

острова. Менданья назвал их Маркизскими в честь своего покровителя маркиза Мендосы. Туземцы то подносили гостям щедрые дары, то встречали их отравленными стрелами. Матросам очень нравились местные женщины, и они не прочь были бы остаться здесь насовсем.

– Зачем плыть дальше?

– Найдем большой материк и уж там-то заживем в свое удовольствие, – отвечал Менданья. – В путь!

Экспедиция двинулась на запад-северо-запад, одолев за три месяца большое расстояние, несмотря на встреченный циклон, потопивший одно судно. Наконец показался еще один большой остров, тут же названный Санта-Крус (англичанин Картерет переименовал его в остров Эгмонта). За неимением Южного материка Менданья согласился основать здесь временную колонию.

Неизвестный художник. Портрет Франсиско де Толедо, вице-короля Перу. XVI в.

Поначалу враждебно встретившие их туземцы постепенно смягчились. Старый вождь по имени Малоте сдружился с Менданьей. Благодаря его содействию на Сан- та-Крусе появилась испанская деревня. Вырыли колодец, построили ратушу и церковь, где каждое воскресенье служили мессу.

– Нам здесь все нравится, – говорили отцы семейств и их жены.

Портрет Альваро Менданья де Нейра. Литография. XIX в.

Матросы и прочие испанцы-холостяки присоединились к общему хору, но они увивались вокруг туземных женщин, из-за чего без конца возникали ссоры, а потом драки и убийства, приведшие к мятежу холостяков. Менданья командовал, не покидая судна, – слишком мягко, по мнению Кироса, а главное – Изабеллы, которую весть о мятеже вывела из себя.

– Необходимо примерное наказание.

Она сама сошла на землю с отрядом солдат, и те схватили нескольких мятежников. Изабелла заявила:

– Нужны три головы.

Головы троих казненных были выставлены на пиках на всеобщее обозрение. Туземцы наблюдали, раздумывали, а потом – стали на сторону мятежников. Беспорядки возобновились,

старого Малоте убили. Одновременно среди испанцев вспыхнула эпидемия. Какая болезнь их поразила, неизвестно, но Менданья умер одним из первых. Это случилось 17 октября 1595 года. Перед смертью он успел официально передать командование экспедицией своей жене Изабелле, которой было лишь двадцать восемь лет. Что было дальше? Ни один кинопродюсер не примет такой сценарий, но поверьте, что все так и было.

Изабелла созвала офицеров:

– Вот что мы сделаем: возьмем на борт всех женщин и детей, а также всех тех, кто заодно с нами. Отправимся в Манилу за подкреплением. Потом вернемся сюда и накажем дикарей и мятежников.

На острове осталось всего пятнадцать бунтовщиков. Их судьба и поныне неизвестна. Перед отплытием, 15 ноября, менее чем через месяц после смерти мужа, Изабелла сочеталась браком с красавцем Франсиско де Кастро, который отправился в экспедицию на правах любовника прекрасной брюнетки. Поздравления, пиры. 18 ноября 1595 года суда покидают Санта-Крус. Штурманом назначен Кирос.

Три обычных для той эпохи небольших судна, а на борту около четырехсот человек – представьте себе тесноту и скученность. Пример Изабеллы, обвенчавшейся с бывшим любовником и чуть ли не в открытую демонстрировавшую свои чувства, действовал на всех как афродизиак. За несколько дней три испанских судна превращаются в корабли безумцев, где царит сладострастие, хотя эпидемия продолжает свирепствовать.

Трупы без особых церемоний выбрасывают за борт – сорок семь умерших за один месяц. Странная оргия продолжается, но люди начинают испытывать голод. Изабелла, словно околдованная своим Франсиско (религиозная церемония, похоже, распалила ее страсть), остается чуть ли не единственной верной супругой в этом сумасшедшем доме и, желая сохранить мужа в отличном физическом состоянии, подкармливает его, поскольку хранит ключи от камбуза. Кирос умоляет выдать продуктов, воды и масла для экипажа и прочих пассажиров. Немыслимая роскошь и беспримерная дерзость: Изабелла использует пресную воду для своего туалета и стирки белья! Однако никакого бунта – все, похоже, околдованы сиятельной адмиральшей.

Гуам тогда еще именовался Воровским островом, как его назвал Магеллан семьдесят четыре года назад. И железо на нем по-прежнему было редким и ценным металлом. В обмен на изделия из железа уцелевшие члены экспедиции Менданьи, добравшись до этого острова, получили воду, рыбу, фрукты, овощи.

– Видите, какой славный у вас предводитель! – хвастливо заявляет Изабелла.

Даже Кирос, главный штурман, целует край ее платья. Манила недалеко. 11 февраля 1596 года три судна бросают якорь в порту. Уже никто не заикается о возвращении на Санта-Крус. Изабелла и ее муж через некоторое время всходят на борт одного из галионов, совершающих регулярные рейсы между Филиппинами и Акапулько. Покорный Кирос уезжает вместе с ними. В Мексике он заявляет, что без промедления отправляется в Испанию: нужно разработать новый проект обращения в христианство далеких племен.

– Проекты подождут, – говорит Изабелла. – Сначала сопроводите нас до Перу.

По-прежнему очарованный Кирос послушно согласился и на это путешествие. Да и кто мог противиться обаянию Изабеллы? Но далее следы несравненной соблазнительницы теряются.

В последней четверти XVII века французские и английские флибустьеры, промышлявшие в Карибском море, перебираются на Тихий океан – кто через Панамский перешеек, кто вокруг мыса Горн. Им надоели ограничения, введенные правительствами после подписания соответствующих договоров с Испанией. «В Южном море никакие договоры не действуют, – говорили эти авантюристы, имея в виду Тихий океан. – Там до нас не доберутся». Хорошо

известно, как флибустьеры грабили испанские поселения на западном побережье Американского континента, доходя до самой Калифорнии.

Среди флибустьеров встречались весьма образованные люди, которые внесли весомый вклад в расширение географических и гидрографических знаний своей эпохи. Именно благодаря Генри Моргану, Дрейку, Равено де Люсану, Дампиру карты американского побережья Тихого океана были перепроверены, уточнены, избавлены от ошибок, которые сознательно вносили испанцы, чтобы сберечь свои богатства. Уильям Дампир преследовал и грабил испанские галионы от побережья Перу до Филиппин, но одновременно вел дневник путешествий, составлял карты, собирал гербарии, делал зарисовки.

Костюмы испанского дворянства второй половины XVI века. Литография. Ок. 1880

Однако память, которую оставили по себе в этих местах флибустьеры-исследователи, вовсе не облегчила положение первой экспедиции, прибывшей из Европы с честными коммерческими целями.

И сегодня некоторых торговцев, стремящихся к наживе, подстерегают опасности, однако торговцам тех времен требовалось небывалое мужество – они рисковали не только деньгами, но и жизнью. На суше орудовали бандиты, на море – пираты, да и само море было полно опасностей.

В то время в Париже была основана Компания Южного моря с капиталом 800 тысяч ливров. В порту Ла-Рошель готовилось «грандиозное плавание». Семь кораблей должны были принять на борт 680 членов команды и военные силы в составе шести рот пехоты и одной роты кадетов, которыми командовали 42 офицера. Кроме того, брали «изрядное число разных ремесленников и прочих». Предполагалось не только торговать, но и основать колонию. Как только стало известно о планах, толпы желающих ринулись в Ла-Рошель, и господин де Жен, назначенный главой экспедиции, мог выбирать лучших. В роте кадетов насчитывалось, кроме офицеров, не менее 60 дворян. В ожидании посадки эта золотая молодежь демонстрировала девицам Ла-Рошели красивую форму – «синюю, с узкими золотыми галунами и белым плюмажем на шляпе».

Неизвестно, что за безумный бухгалтер, что за кассир-растратчик решил выдать военным и морякам денежное содержание за несколько месяцев вперед, да еще объявить, что Компания Южного моря «берет на себя все расходы в кабаках». За несколько дней Ла-Рошель превратилась в Содом и Гоморру, в развратный Вавилон, и парижским владельцам компании пришлось срочно послать на место финансового ревизора. Через несколько дней они получили отчет и схватились за головы: «Теперь для осуществления отплытия вновь нужна сумма, равная всему первоначальному капиталу, а именно 800 тысяч ливров».

Принятое в этой чрезвычайной ситуации решение выглядело разумным: снизить расходы, отправив только четыре корабля с меньшей командой и меньшим количеством войск. Дебоши вызвали возмущение в городе, и руководителю экспедиции пришлось уйти в отставку. Его заместитель Гуэн де Бошен хотел последовать за ним. Но владельцы компании уговорили его остаться и назначили главнокомандующим. И 17 декабря 1698 года четыре корабля отправились в путь. В штабе экспедиции состояли, кроме капитанов и штурманов, инженер-гидрограф Жак Дюплесси и историограф. Привлекли и нескольких флибустьеров, хорошо знавших места, куда направлялась экспедиция.

Уже на второй день на флотилию обрушилась сильнейшая буря. Один из сильно поврежденных кораблей развернулся и ушел в Ла-Рошель, второй потерпел крушение у берегов Бретани. Два корабля, отставшие в районе Рио-де-Жанейро, подошли к Магелланову проливу только 24 июня 1699 года, через полгода после отплытия.

Магеллан прошел этот скалистый пролив длиной 600 километров за четыре недели. Экспедиция Бошена потратила на это еще полгода.

Клод Жозеф Верне. Вид порта в Марселе. Фрагмент. 1720

Отчет гидрографа Дюплесси столь же точен и обстоятелен, как и отчет Пигафетты об экспедиции Магеллана. Очень живо изображены европейцы, страдающие от холодов южной зимы, когда корабли пробирались в мрачном лабиринте со средней скоростью 3,5 километра в сутки. Ветер, врывавшийся в проход между высокими каменными стенами, покрытыми льдом и снегом, всегда был встречным. Приходилось лавировать среди скал, где течения непредсказуемо меняют направление. Ночью плыть было невозможно, и на исходе каждого дня бросали якорь, а вернее, опасаясь потерять его из-за скалистого дна, спускали шлюпку и крепили якорь на каком-нибудь островке с подобием пляжа у подножия отвесной скалы. Матросы увязали в снегу и брели по ледяной воде. Корабельный хирург, вооруженный инструментами, более похожими на столярные, ампутировал обмороженные конечности, и его решительность и мастерство нередко спасали пациентов от смерти.

Однажды один из штурманов-флибустьеров узнал жалкую стоянку испанцев с названием Голодная гавань. Иногда в пролив заплывала патагонская лодка – длинная изогнутая пирога с разведенным на борту огнем. Патагонцы предлагали в обмен на безделушки рыбу или присоленную птицу. К счастью, холода стали слабеть, но декабрьское лето на Огненной Земле больше напоминает европейскую зиму.

Так прошло шесть месяцев. 29 декабря 1699 года Гуэн де Бошен, отчаявшись найти выход из пролива, разворачивается и плывет на стоянку в Голодную гавань. И тут – о чудо! – задул юго-восточный ветер. Новый разворот. До выхода в открытое море остается всего (или целых) три недели.

Выйдя из пролива, Гуэн де Бошен направляется вдоль американского побережья на север с целью открыть французский торговый путь и основать колонию. Подходящих мест на южном побережье мало, это узкая полоска земли, постоянно заливаемая волнами, которые ветры Тихого океана гонят к Кордильерам; снег зимой, дожди и туманы летом. Приемлемое место удастся найти чуть севернее, там есть даже многообещающая растительность, но тех, кто без опаски приближается к берегу, встречают прицельные залпы, а потом и тучи отравленных стрел: испанцы, призвав на помощь индейцев, защищают свои владения от тех, кого приняли за флибустьеров. «Береговые братья» оставили по себе такую память, что туземцы готовы даже сотрудничать с колонизаторами-испанцами, лишь бы отвести нежеланных гостей.

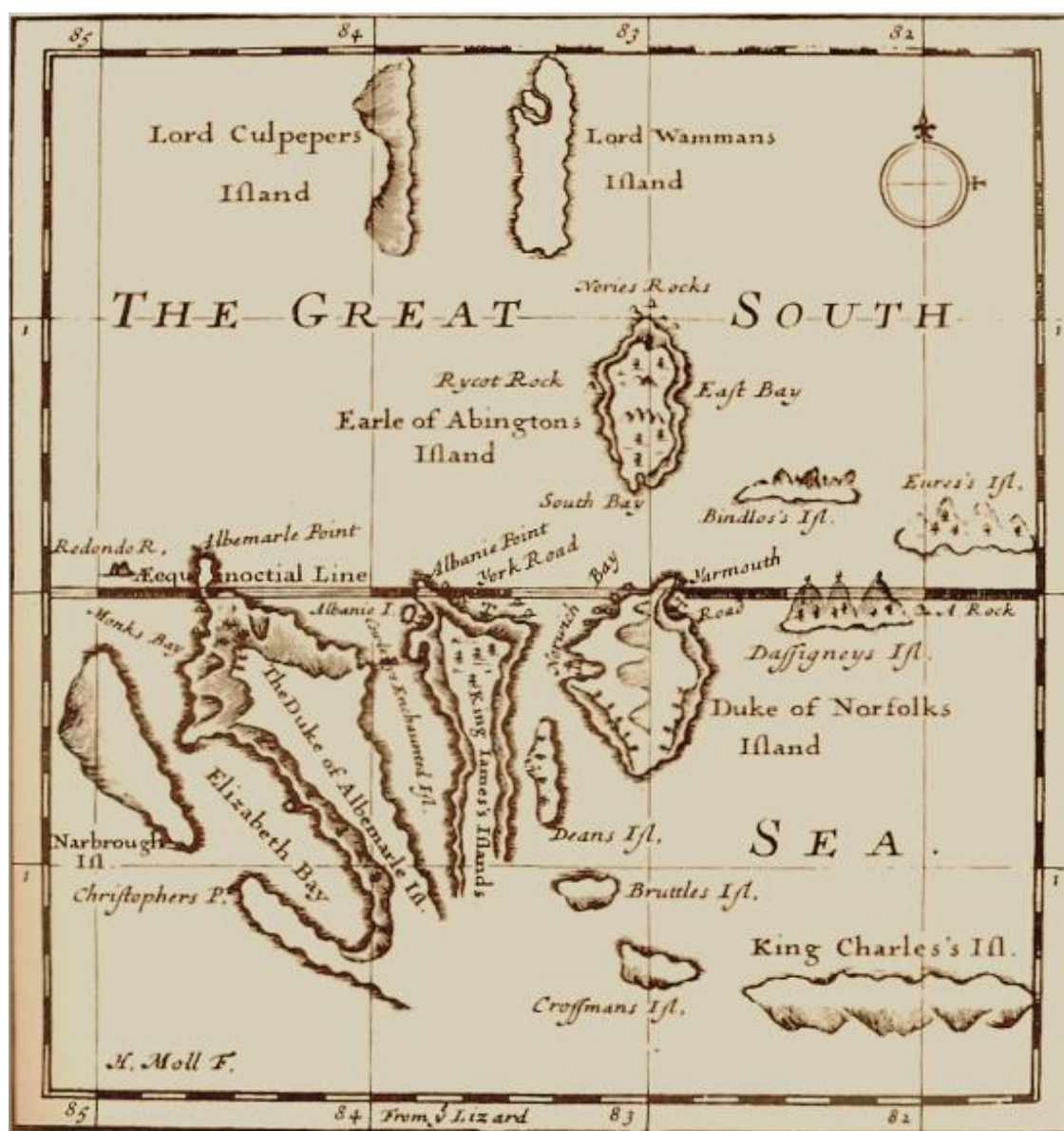
Не менее враждебный прием ожидал французов и в Перу. Напрасно Гуэн де Бошен послал парламентаров, чтобы продемонстрировать мирные намерения: «Мы просим лишь пресной воды и провизии. Предлагаем в обмен чудесные ткани». Бесполезно. Вице-король строго-настрого запретил любой контакт с французами. Тогда Бошен пригрозил, что высадится на берег и силой возьмет все то, что ему не хотят продать или обменять. Никакого ответа.

Любопытно наблюдать, как монолитная стена отказов начинает давать трещины. Точно так же и сегодня никакой запрет не устоит перед перспективой получить барыш. И хотя приказы вице-короля строги, а память о зверствах флибустьеров жива, торговцы уже наострили уши, прознав, что французы, курсирующие вдоль побережья, предлагают торговлю или обмен. Наконец в Арике (на нынешней границе между Чили и Перу) происходит знаменательное событие. Бошен сообразил отправить в качестве посланника священника, чье облачение не внушало опасений, и испанцы согласились его выслушать. «Наше предприятие носит мирный характер...» и так далее. Святому отцу не пришлось долго уговаривать торговцев, они уже и сами смекнули, что приказы губернатора только вредят делу и о них можно, пожалуй, забыть.

Гуэн де Бошен получает воду и провизию, а суперкарго начинает бойко торговать французскими тканями: выручка составила 50 тысяч экю, а это груз только одного судна, на котором море подпортило часть товара. Не менее успешно шла торговля в Кальяо и Биско, совсем неподалеку от Лимы, правда Бошена предупредили, что вице-король снаряжает три военных корабля для охоты за французами. Впрочем, в Перу дела делаются не быстро.

– Нам больше нечего продавать, – объявляет Бошен, – теперь займемся исследованиями.

Решительно повернувшись кормой к берегу, он берет курс прямо на запад, и через трое суток раздается крик дозорного: «Земля!» Моряки подошли к одному из Галапагосских островов. И сегодня этот вулканический архипелаг считается одним из самых негостеприимных мест планеты. Правительство Эквадора охраняет обитающих на островах гигантских игуан и черепах, нелетающих птиц и другие виды диких животных, представляющих большой научный интерес. Даже самые отважные из участников экспедиции Бошена, увидев это скопление чудовищ, настояли на скорейшем отплытии.

Карта Галапагосских островов, составленная английским флибустьером Уильямом Коули. Конец XVII в.

Гуэн де Бошен уже собирался вернуться в Европу, но надо было пополнить запасы, и экспедиция вернулась в Перу. Тамшний губернатор был все так же непреклонен, но, к счастью, все так же бессилен. Военные корабли, которым надлежало охотиться на французов, бездействовали в порту Лимы, ожидая пушек и экипажей. Зато прибрежные торговцы, как стервятники, набросились на французские суда:

– Быть не может, что вам больше нечего продать! Купим что угодно.

Пошарив на дне трюмов, нашли для продажи «испорченные и неиспорченные ткани, остававшиеся на борту. Больше совсем ничего не осталось». Трудностей с припасами не возникло. Экспедиция вышла из Ило, близ Арики, 5 декабря 1700 года и встала на стоянку в Рио-де-Жанейро, обогнув мыс Горн и не заходя в Магелланов пролив. Обойти мыс Горн с запада на восток в сотни раз легче, чем в обратном направлении, – из-за преобладающих ветров.

В Рио Бошен и его спутники узнали, что герцог Анжуйский, внук Людовика XIV, недавно стал королем Испании.

– Какое счастье! Больше не будет запретов для французских судовладельцев, желающих торговать с Перу. Перед нами откроются все порты.

Фауна Галапагосских островов. Рисунок одного из участников экспедиции Гуэна де Бошена. Ок. 1699

Оптимисты заблуждались. Испания желала сохранить исключительные права на торговлю с этими регионами. Людовик XIV запретил французским арматорам посылать туда суда под страхом самой суровой кары. В 1713 и 1714 годах Бурдас Деламар, торговец и судовладелец из Сен-Мало, дважды попадал в тюрьму за нарушение запрета. Во второй раз он оказался в Бастилии, где просидел более года. Его имущество было конфисковано.

Министр Поншартрен вел слежку и подвергал обыску все суда, уходившие из Сен-Мало, считая подозрительным любой товар, который можно сбыть в Перу. И подозрения были не напрасны. Никакие запреты не останавливали отважных и изобретательных моряков Сен-Мало, ставших большими специалистами по части контрабандной торговли. Модницы-испанки Южной Америки не хотели обходиться без бретонского полотна, парижских украшений. А назад из Перу корабли Сен-Мало везли серебряные слитки и золотой песок.

Доход в десять раз превышал штрафы, которые были вынуждены платить контрабандисты. Их не пугала даже тюрьма.

Несмотря на неудачу с основанием колонии и убытки, экспедиция Гуэна де Бошена проторила новый путь. Сторонники торговли с заокеанскими испанскими колониями выдвигали безупречные аргументы в духе эпохи:

– Наша торговля самая выгодная, это даже выгоднее торговли с Ост-Индией и Китаем. Мы не станем обменивать один товар на другой – ввоз иноземных товаров наносит ущерб национальному производству. Мы будем черпать из самого источника богатств. Избавлять королевство от лишних товаров и привозить золото и серебро. Таков наш девиз, и так мы служим нашему государству.

В книге «Кругосветное путешествие» капитана Вудса Роджерса, изданной в Лондоне в 1712 году, приводится рассказ об одном происшествии, имевшем место 31 января 1709 года:

«В то утро, в 7 часов, мы прибыли на Хуан-Фернандес. Наша шлюпка доставила с берега большое количество раков, а также человека, одетого в козлиные шкуры и на вид еще более дикого, чем владельцы этих шкур. Он жил на острове уже четыре года и четыре месяца. Это был шотландец, звали его Александр Селькирк. За время своего одиночества он почти разучился говорить, и мы понимали его с трудом; от каждого слова в его памяти осталась только часть. Мы предложили ему глоток горячительного, но он отказался, поскольку давно пил только воду».

Пьер Авелин. Вид гавани Сен-Мало. Гравюра. Начало XVIII в.

Архипелаг Хуан-Фернандес, названный по имени его открывателя, находится в Тихом океане, в 600 километрах к западу от Вальпараисо. В 1709 году никто и предположить не мог, что спасение неизвестного моряка послужит основой создания одного из известнейших произведений мировой литературы, а приключения Селькирка, беллетризованные и дополненные красочными подробностями, будут завораживать многие поколения читателей «Робинзона Крузо».

Писателю Андре Мальро принадлежит следующее суждение: только три книги «не теряют своей истинности» для всех, кто много пережил и выстрадал, – «Дон Кихот» Сервантеса, «Идиот» Достоевского и «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо.

Мысль написать роман пришла в голову Даниэлю Дефо, когда он прочитал рассказ капитана Вудса Роджерса и интервью, опубликованное 1 декабря 1713 года журналистом Силом в «Инглишмен». Роман вышел в свет в 1719 году, и успех был ошеломляющим. Интерес к нему сохраняется до сих пор. Во Франции, по крайней мере до Первой мировой войны, как только ребенок начинал бегло читать, первым семейным подарком был «Робинзон Крузо».

Александр Селькирк родился в графстве Файф, соседствовавшем в 1676 году с Селькирширом. Его морская карьера затерялась в туманах океанов, по которым он немало ходил. Первый его след обнаруживается в 1704 году на борту «Пяти портов», парусника некоего Страдлинга, где он служил боцманом. В море у берегов Чили на судне появилась течь. Ближайшей землей был островок в архипелаге Хуан-Фернандес. Селькирк высказал свое мнение:

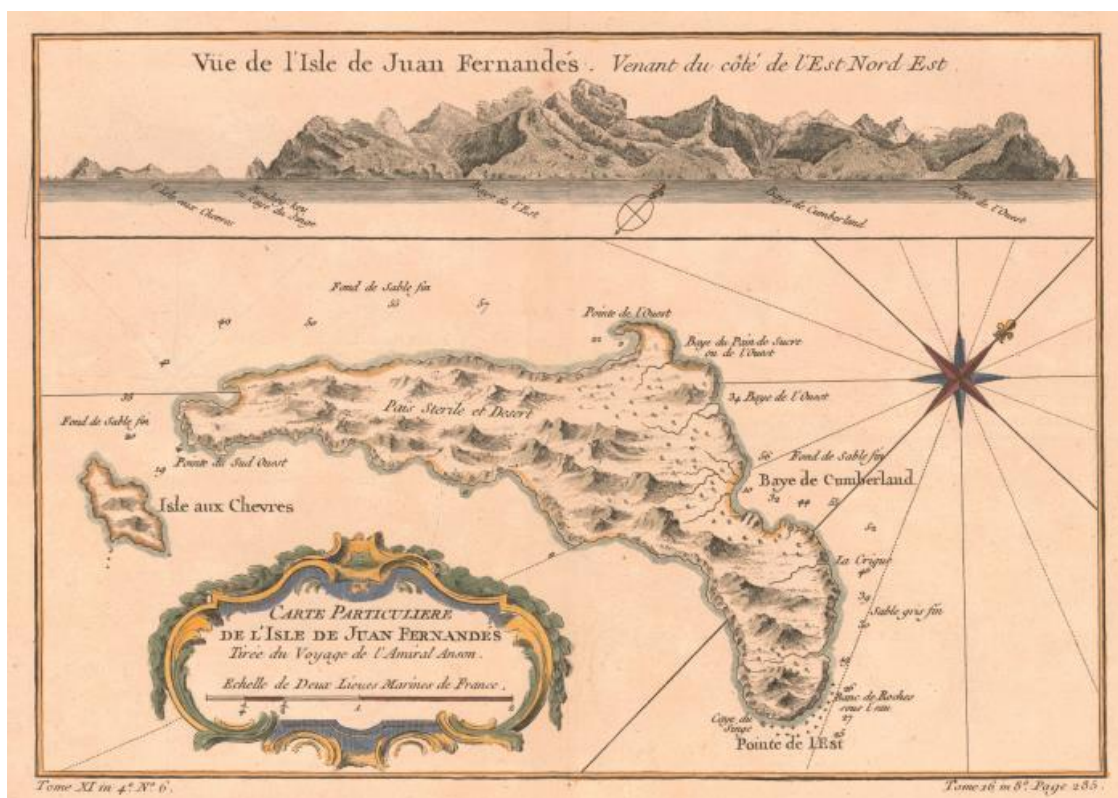
- Капитан, надо остановиться здесь и заделать течь...
- Нет, – возразил Страдлинг, – нам необходим оборудованный порт.
- До порта мы не дотянем. Давайте высадимся на острове.
- Ни за что!

Моряки повздорили, и боцман заявил Страдлингу, что тот никчемный капитан и что он, Селькирк, был бы в большей безопасности на любом островке в океане, чем на судне с таким горе-командиром. Страдлинг поймал его на слове и высадил на пустынном острове.

Оставшись в одиночестве на берегу, Селькирк тут же пожалел о своем упрямстве и стал отчаянно размахивать руками, чтобы шлюпка вернулась, но старший матрос шлюпки получил от капитана строгий приказ не обращать внимания на сигналы. Вскоре парусник «Пять портов» скрылся из виду. В судовой роли Страдлинг рядом с именем Селькирка написал: «Пропал без вести».

Чтобы выжить, Селькирку не пришлось, как Робинзону, начинать с поисков остатков кораблекрушений. Его ссадили на берег с полным комплектом постельных принадлежностей, оставили ему хорошее кремниевое ружье, фунт пороха и достаточный запас пуль. В его сундучке, кроме одежды, имелись кремниевая зажигалка, табак, топор, нож, чайник и Библия. Кок снабдил его провизией на несколько дней. Но судьба распорядилась так, что островок лежал вдали от привычных морских путей. Селькирк ждал своих спасителей четыре года и четыре месяца.

В самом начале своего отшельничества он обнаружил странные следы: каменную пирамидку, кусочек ржавого железа, изогнутого в форме рыболовного крючка. Он обследовал остров, но тщетно: никого. Человек, который оставил следы на острове, покинул его двадцатью годами раньше. То был индеец из племени москито, приплывший вместе с английскими флибустьерами и «забытый» ими при поспешном отплытии. В 1684 году знаменитый английский флибустьер Дампир, о котором мы уже упоминали, забрал его с острова.

Карта архипелага Хуан-Фернандес – «острова Робинзона Крузо». 1753

Селькирк сумел убедить себя в том, что одиночество его не угнетает. Больше всего ему досаждали полчища крыс, которые по ночам грызли его одежду, а иногда кусали за пальцы ног. К счастью, эти животные были не единственными, кто сбежал с испанских или английских судов, пристававших к острову. Были там и кошки, которые тоже успешно размножались. Постепенно Селькирку удалось приручить нескольких кошек и таким образом решить проблему с крысами.

Добывать пропитание большого труда не составляло. Еще не истратив запасы пуль, Селькирк собрал стадо коз: он ранил одичавших животных в ноги и потом их выходил. Так что в дальнейшем он мог уже без помощи огнестрельного оружия забивать очередное животное по мере надобности. Хромоногие козы принесли потомство, и козлята были привязаны к хозяину, всюду за ним ходили, лизали ему руки и ноги. Подрастая, козы начинали давать молоко: Селькирк пил его сам и давал своим кошкам.

Некоторое время спустя Селькирк уже не мог заставить себя убивать доверчивых животных. Он привык обходиться без мяса. Дикой репы и пальмовой капусты было вдоволь, водились гигантские раки и черепахи, а моллюсков он едва успевал собирать. Но одежда его истлела и висела лохмотьями. Только козьи шкуры могли заменить рубаху, штаны и одеяло. Только шкуры, растянутые над примитивной хижинкой, спасали от жгучих лучей солнца и ливней. Селькирк занялся физическими упражнениями и вскоре смог прыгать не хуже кабри (дикой козы) и бегом догонять старых диких козлов. Хорошо наточенный нож довершал остальное.

Рыба вызвала у него крапивницу. Как-то раз он попытался испечь дораду на ароматном костре из поленьев перечного дерева (огонь он разжигал трением двух палок – кремниевая зажигалка давно вышла из строя), но опыт не удался. С тех пор рыбой питались только кошки.

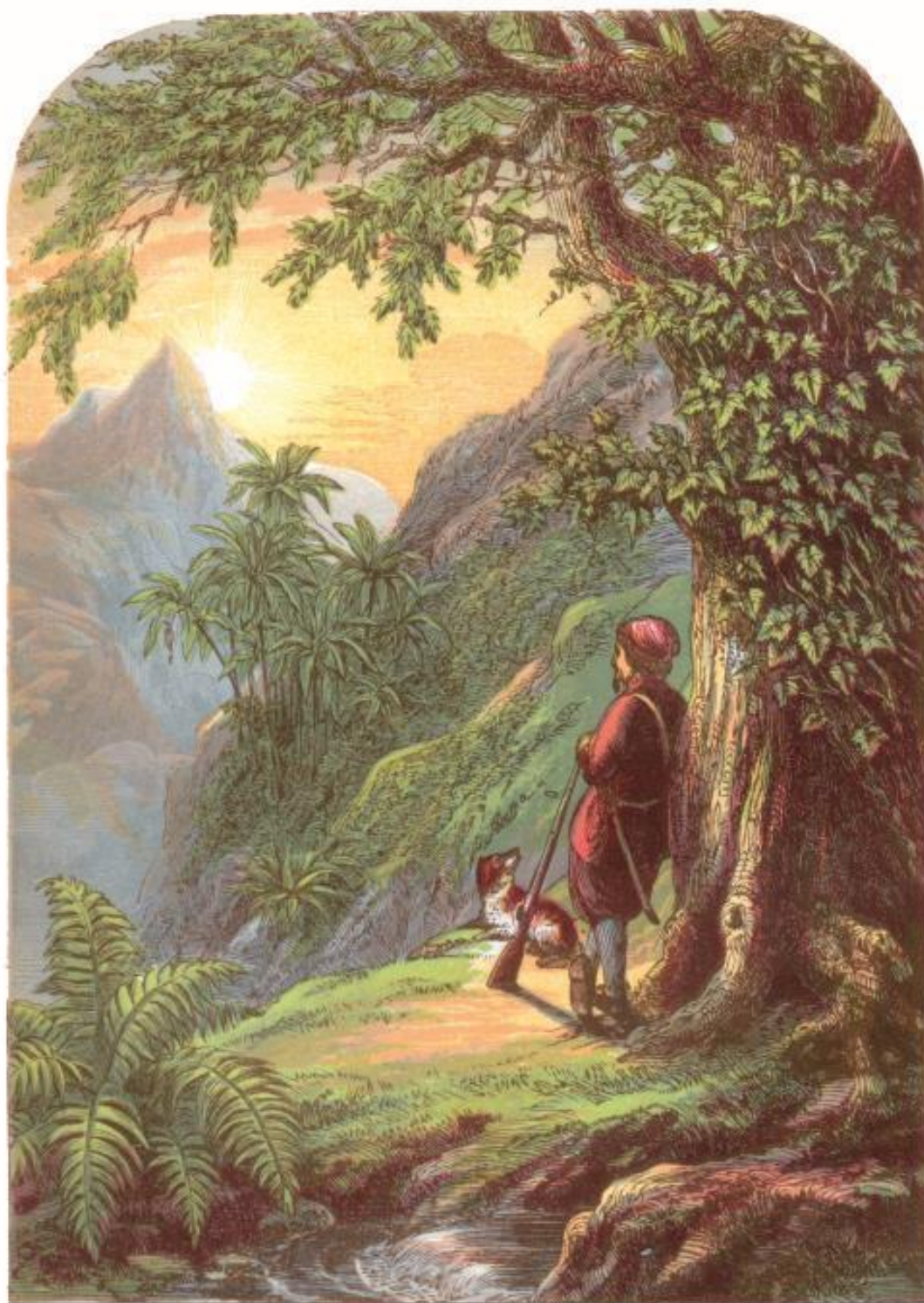
Здоровая жизнь на свежем воздухе, небогатая жирами пища, отсутствие спиртного, постоянный физический труд превратили моряка в настоящего атлета. Селькирк, одиночество которого усилило его набожность, каждый день вслух молился, распевал псалмы, читал Библию, размышлял и выцарапывал на коре деревьев глубокомысленные сентенции.

Александр Фрэнсис Лайдон. Иллюстрация к роману Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». 1865

Дважды испанские суда, привлеченные дымом костра или необходимостью пополнить запасы пресной воды, подходили к его острову. Шотландец Александр Селькирк, как истинный патриот, не желал обращаться за помощью к врагам. К тому же однажды его чуть не подстрелили. Он насилу унес ноги и всю ночь провел на дереве, под которым устроили бивуак испанцы.

В другой раз он преследовал дикую козу и не заметил, что за кустарником скрывается овраг. Вслед за козой Селькирк скатился вниз и трое суток пролежал без сознания – он вычислил время своего бесспамятства по росту луны. Рядом лежала мертвая коза, смягчившая его падение и спасшая ему жизнь. Селькирку пришлось выбираться из оврага и тащиться до хижины добрый километр. Там, обласканный кошками и вылизанный козами, он приходил в себя двенадцать суток, питаясь молоком прямо из козьего вымени. Вскоре он вернул себе былую силу и ловкость.

Александр Фрэнсис Лайдон. Иллюстрация к роману Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». 1865

Мимолетность дней, которые он исправно отсчитывал, делая зарубки на дереве с каждым восходом, его не волновала. Можно сказать, что Селькирк был счастлив на своем острове. Вернувшись в Англию, он поведал журналисту Стил: «Никогда я не чувствовал себя таким добрым христианином, как на Хуан-Фернандесе». Он даже сожалел, что вернулся к людям: «Несмотря на все удовольствия, общество не может дать мне спокойствия моего одиночества».

Мораль этой истории «подлинного Робинзона Крузо» в том, что тот же Стил, встретив на улице Александра Селькирка через несколько месяцев после первого разговора с ним, едва узнал его, «настолько привычное общение с жителями городка лишило его облик печати одиночества и резко изменило выражение его лица». Стил удивился и поздравил Селькирка с тем, что он выглядит вполне благополучным. И услышал ностальгический ответ:

– У меня теперь восемьсот фунтов капитала, но я далеко не столь счастлив, как тогда, когда не имел ни гроша.

Говорил ли Селькирк искренне? Во всяком случае, Даниэль Дефо вложил в уста своего Робинзона похожую фразу: «Я начинаю ощущать до глубины души, насколько жизнь, которую вел на острове, невзирая на тяжкие обстоятельства, была более счастливой, чем проклятая и ненавистная жизнь, которой жил в прежние времена».

Увы, не все, кого судьба забросила на необитаемый остров, могли подписаться под словами Робинзона. Зачастую их участь бывала трагичной.

«На острове царит такая нищета, что нельзя даже говорить о переходе от первобытного состояния к нашей цивилизации. Остров Пасхи не просто гибнет, а разлагается от безысходной нищеты». Эти строки написаны ученым-антропологом Альфредом Метро после посещения острова Пасхи в 1934 году с научной экспедицией. Но они лишь слегка приподнимают завесу над этой драмой.

Остров Пасхи – о нем упоминалось в начале книги, когда шла речь о заселении Тихого океана, – широко известен. Все видели фотографии гигантских статуй (некоторые превышают 10 метров в высоту и весят до 20 тонн), известно и об их тайне. Кто их создал, кто доставил из каменоломни на место, кто сумел установить их вертикально – без подъемных механизмов, на крохотном, малонаселенном островке, удаленном на 3 тысячи километров от Американского континента? Эта загадка будоражит умы: таинственный остров Пасхи, мечты о сгинувшей расе гигантов-скульпторов, изваявших и воздвигнувших громадные статуи... И почти полным молчанием окружена мрачная история острова Пасхи с момента его открытия европейцами, если не считать редких свидетельств, таких как у Альфреда Метро или Франсиса Мазьера, который, как я уже говорил, жил на острове вместе с паскуанцами и изучил их язык.

Эта история длится с 1722 года (Селькирк—Робинзон к этому времени уже умер) до наших дней. Чтобы последующие страницы не были слишком мрачными, расскажем обо всем в общих чертах, не останавливаясь на самых драматичных деталях. Но умолчать об этом невозможно.

Томас Стюарт Бернетт. Робинзон Крузо. Скульптура на фасаде дома Селькирка в Шотландии. 1886

1722 год. Три голландских парусника, отплывшие из Чили под командованием капитана Роггевена, идут на запад примерно по 26-й параллели южной широты. Якоб Роггевен, шестидесяти трех лет, официально считался путешественником, но любой путешественник той эпохи не упускал возможности заработать. Капитан занят поисками золота в южных землях. Надежда отыскать богатый материк еще жива.

Когда впередсмотрящий на корабле сообщает, что видит землю, Роггевен отдает приказ направляться к берегу и посылает за подзорной трубой. Три четверти неба затянуто тучами, но видимость хорошая, дует попутный восточный ветер, на море небольшое волнение. Наступил полдень Пасхального воскресенья.

Вскоре становится понятно, что перед ними остров. Кое-где высятся отвесные скалы, в других местах из-под воды выступают рифы. Видны темные, серо-коричневые, возвышенности, вздымающиеся на несколько сот метров. По форме вершин они напоминают вулканы. По мере приближения к острову становятся различимыми каменные осыпи, склоны, заросшие низкой травой, отдельные деревья. Другой растительности нет. Роггевен обходит вокруг острова. На склонах западного берега высятся огромные странные статуи. «Несомненно, из глины», – записал голландец. Они его не интересуют. Роггевен склоняется над картой, наносит на нее точку, а рядом пишет: остров Пасхи. Стоит ли делать стоянку на бесплодном острове?

Однако капитана заинтересовала одна деталь. Еще до появления на горизонте острова он заметил необычное явление: стрелки обоих компасов его корабля начали хаотично дергаться. Иногда отклонялись на четверть круга, успокаивались и вновь смещались. Позже капитаны остальных двух судов докладывают Роггевену, что наблюдали такое же магнитное явление. Может быть, это заставило путешественника бросить якорь у западной стороны острова, укрытой от волнения? С вставших на якорь судов виднеются несколько жалких хижин и толпа туземцев. Островитяне еще ни разу не видели кораблей. От берега отходит пирога.

В ней лишь один туземец среднего роста, не очень смуглый, в набедренной повязке. Он улыбается, много говорит на непонятном языке. Его все удивляет, он с любопытством дотрагивается до разных предметов, щупает одежды голландцев. Когда ему дарят несколько стеклянных ожерелий, он смеется и начинает приплясывать от радости. Прекрасное начало.

Туземец с подарками уплыл. Больше ни один островитянин не появился. Три корабля простояли на якоре всю ночь. Утром голландцы обнаруживают вокруг судов два десятка пирога, с которых доносятся радостные крики. Туземцы приветливо машут руками.

– Пусть поднимутся на борт, – говорит Роггевен.

Ритуальная каменная платформа Аху Тонгарики на острове Пасхи

© Mlenny

И случается то же недоразумение, которое спровоцировало конфликт между Магелланом и гуамцами. Общественные нравы европейцев и туземцев разделяет глубокая пропасть, у островитян иное понятие о собственности: короче говоря, все, что не является табу, разрешено. Очевидно, что ни одно табу не защищает удивительные предметы, имеющиеся на борту этих судов. По словам голландцев, «было совершено несколько краж».

В те времена социальная мораль европейцев проста и репрессивна: наказание призвано преподать урок – внушить, что продолжать воровство не следует. Через несколько часов после «краж» шлюпка высаживает на берег взвод голландцев. Любопытные островитяне выходят навстречу. Приказ, залп, несколько туземцев падают.

Можно ли исправить недоразумение? Несомненно, да, поскольку последующие посещения острова не завершаются трагически. Когда в 1770 году вице-король Перу посылает военный корабль на остров Пасхи, чтобы присоединить его к владениям Испании, обошлось без насилия. Островитян даже попросили подписать официальный акт: они начертали на нем странные символы в виде птиц, напоминающие символы на табличках, найденных на острове, которые так и остались нерасшифрованными. В 1771–1772 годах были предприняты еще две перуанские картографические экспедиции, обе завершились мирно. Но стоит отметить, что во время этих посещений туземцев на борт кораблей не пускали.

В 1774 году на остров прибывает Джеймс Кук, движимый научными интересами, но, как мы увидим позже, ставящий во главу угла британские интересы и предпочитающий действовать силой. Паскуанцы, сыновья и внуки тех, кто с добрыми намерениями встретили голландцев Роггевена, оказали столь же сердечный прием англичанам Кука. Но разве за пятьдесят лет могла измениться их многовековая ментальность, ведь они встречались с белыми всего в четвертый раз? Снова воровство на борту кораблей, новые ружейные выстрелы и гибель людей. По документам видно, что украденные вещи – кое-какая одежда и шляпы моряков – не имели особой ценности. Трагическое недоразумение повторилось.

Правда, одному французу хватило ума и человечности, чтобы преодолеть это заклятие. Когда Жан Франсуа де Лаперуз в 1786 году высадился на острове Пасхи, туземцы снова украли несколько вещей на его судах. Но на сей раз выстрелов не было, не было наказания. Напротив, Лаперуз раздал растения и семена, кур и коз. Итог: бухта, где стояли на якорю суда этого дворянина, до сих пор носит его имя. Так решили туземцы.

Я уже упоминал, что китобои, охотники за тюленями, разного рода контрабандисты начиная с XVI века бороздили Тихий океан во всех направлениях на своих зловонных суденышках. Мужественные моряки, спору нет, но среди них были и настоящие висельники. Подобный сорт людей существовал и в начале XIX века, и, хотя они плавали по громадному океану на все более крупных судах, среди них по-прежнему встречалось настоящее отребье, насильники и закоренелые преступники.

Людвиг Хорис. Обитатели острова Пасхи. Гравюра. 1816

Американские охотники на тюленей, заявившиеся на остров Пасхи в 1805 году на борту шхуны «Нэнси», приписанной к Нью-Лондону (Коннектикут), были отъявленными мерзавцами. Рассудив, что у них мало рабочей силы для охоты, они похитили двенадцать местных мужчин, затащили их на свое судно и заковали в цепи. Потом похитили десять женщин, изнасиловали и тоже заковали в цепи. После чего «Нэнси» ушла в море.

– Через трое суток снимем с дикарей цепи, – заявил капитан. – Мы будем далеко от острова, и они не сбегут.

Негодяй ошибался. Едва их расковали, как мужчины и женщины, не перемолвившись ни словом, прыгнули за борт. Никакой земли на горизонте. «Одни поплыли на юг, другие – на север». Несомненно, смерть казалась им предпочтительней того, что они уже вынесли.

В 1811 году китобой трехмачтовика «Пиндос», также американского, бросили якорь у острова Пасхи, но действовали умнее. Были спущены три шлюпки. Капитан приказал доставить пресную воду и фрукты. Когда шлюпки отходили, помощник капитана крикнул:

– Захватите женщин!

Шлюпки вернулись с припасами и «тем же количеством девушек, сколько насчитывалось моряков». Обстоятельства их похищения точно не известны. Празднество на борту «Пиндоса» продолжалось всю ночь. Утром девушек погрузили в шлюпки, но на берег не отвезли.

– Прыгайте и плывите!

Тех, кто не понимал, сталкивали в воду. Им предстояло преодолеть большое расстояние, но плавали они хорошо. С борта «Пиндоса» первый за ними наблюдал помощник капитана, и вдруг его осенило. Он сходил за ружьем и принялся стрелять по плывущим девушкам. Головы с распущенными волосами одна за другой исчезали под водой и больше не появлялись. Китобой корчились от хохота. Этот помощник капитана давно умер, и его прах в могиле смешался с землей, но имя Уоден стоит одним из первых в списке садистов.

Есть города, целые территории, которые как будто обречены на несчастья. Почти никогда не известно почему. Может быть, гигантские статуи острова Пасхи преследует злой рок? Или во всем виноват непонятный магнитный феномен, воздействующий на компасы?

Полвека после «Пиндоса» на острове все было спокойно. Прибыли даже миссионеры, чтобы обратить туземцев в христианство. Паскуанцы страдали только от жизненных тягот на своей неплодородной земле, обдуваемой ветрами.

12 декабря 1862 года. Шесть перуанских кораблей бросают якоря в бухте Ханга-Роа на западе острова. На этот раз речь не идет о развлечениях. Намерения прибывших хорошо известны по многочисленным отчетам о последующих событиях. Шесть судов принадлежат рабовладельцам. Перу нуждается в рабочей силе для разработки залежей гуано на островах Чинча (или Чинчос), расположенных недалеко от побережья на широте Писко. Работоторговцам поставлена задача «набрать добровольцев» на острове Пасхи. Набор производится следующим образом.

Восемьдесят человек высаживаются на остров и под угрозой оружия окружают тысячу паскуанцев, у которых нет другого средства защиты, кроме деревянных копий с обсидиановым наконечником. Среди захваченных в плен правитель острова Маврата и его семья. Но женщины и дети не интересуют похитителей, их изгоняют ударами приклада, а поскольку многие уходить не желают, их бьют по голове или расстреливают. Слышны и другие выстрелы: работоторговцы преследуют мужчин, пытающихся скрыться в глубине острова. Затем пленников перевозят на корабли. На острове царит гробовая тишина. Через трое суток флотилия отплывает.

Гаспар Дюше де Ванси. Экспедиция Лаперуза на острове Пасхи. Гравюра. 1797

Работорговцы совершили ошибку: после острова Пасхи они напали на остров Рапа в архипелаге Тубуаи (Французская Полинезия). Жители оказали упорное сопротивление, одно работорговое судно было захвачено и отведено на Таити. Команду судили, приговоренных посадили в тюрьму. Дело получило международную огласку. Франция и Англия выразили официальный протест Перу.

Коренные жители острова Пасхи. Фото. Начало XX в.

Но большинство похищенных паскуанцев уже гнули спину на островах Чинча под плетями надсмотрщиков. Когда перуанское правительство под давлением международной общественности приказало освободить пленников, 80 процентов несчастных людей уже умерло. Всего 100 человек отправили обратно. Во время транспортировки (в жутких условиях) 85 человек умерли от оспы. Последних пленников на родине встретили со слезами и объятиями. Однако, кроме трагических воспоминаний, они привезли на остров страшный вирус. За несколько месяцев от оспы вымерла половина населения. В самые лучшие дни на острове жило 5 тысяч человек. После всего случившегося и эпидемии осталось всего 600.

В 1872 году на борту корвета «Флор» на остров Пасхи прибыл Пьер Лоти. Прошло десять лет с возвращения домой 15 пленников перуанских властей. «Тропинки усыпаны костями, – пишет Лоти, – встречаются даже целые скелеты, лежащие в траве». После этого визита проходит еще столетие. В Музее человека можно увидеть гигантскую голову, привезенную с острова писателем-моряком. Удалось ли снять заклятие, которое висело над островом?

На этой бесплодной земле появлялись миссионеры, географы и другие ученые. В 1888 году чилийское правительство сдало остров в аренду одной британской компании, которая завезла туда овец. Эти миролюбивые животные превратились в оккупантов, которым паскуанцы были вынуждены отдать все земли. В 1904 году на острове было 47 000 овец, 1000 коров, 1000 лошадей, 50 чилийских военных и 1000 паскуанцев.

В 1970 году паскуанцы все так же бедны. Чилийское правительство плохо относится к этим несчастным. Им запрещают покидать остров и даже ограничивают (из-за овец) передвижение по нему.

– Опасайтесь их, они думают только о том, как бы украсть, – предостерегают местные власти редких посетителей.

На смену вековым табу пришла нищета. Паскуанцы с неприкрытым восхищением разглядывали пассажирский лайнер «Франция», огромный по сравнению с их островом. Роскошные интерьеры корабля, если бы они могли их видеть, свели бы их с ума. Пассажирам, ежедневные расходы которых на одну душу равны расходам одной паскуанской семьи за все годы жизни, было продано несколько «занятных сувениров». Единственная надежда улучшить и изменить судьбу островитян – в ежегодном притоке туристов. Наверное, помогло бы и строительство аэропорта... И тогда, как знать, гигантские статуи стали бы наконец источником блага для коренных жителей.

Глава третья

Бугенвиль, или Цивилизация

Мало кто из наших сограждан не знает, что Бугенвиль был знаменитым мореплавателем, первым французом, обогнувшим земной шар. И совсем не многим известно, что он был одним из самых интересных и привлекательных людей той эпохи. Наши школьные учебники слишком сдержанны в отношении великих моряков. Луи Антуан де Бугенвиль повторял:

– Все мои надежды на славу заключены в цветке.

Он намекал на бугенвиллею, тропическое растение с яркими пурпурными и фиолетовыми соцветиями, открытое во время кругосветного плаванья. Ботаник Коммерсон назвал этот кустарник его именем. Но слава Бугенвиля в те времена не нуждалась в цветке. Рассказ о своем путешествии, который он опубликовал под названием «Путешествие вокруг земли на королевском фрегате „Сердитый“ и военно-транспортном судне „Звезда“», сразу сделал его знаменитым в Европе и даже в Америке. Философ Дидро отдал ему должное в памфлете «Дополнение к путешествию Бугенвиля», рукописные копии которого ходили в кругах образованных людей и остроловов того времени:

«Изучение математики, которое предполагает малоподвижный образ жизни, занимало все его молодые годы. И вдруг он неожиданно отказывается от созерцательной жизни отшельника, чтобы избрать активное и трудное ремесло бродяги и разностороннего путешественника... Другой явной странностью было противоречие между характером этого человека и его предприятием. Бугенвиль склонен к светским развлечениям: любит женщин, театр, изысканную кухню. С равным удовольствием окунается в светскую жизнь и отдается той переменчивой стихии, которая несет его по волнам. Он любезен и весел: истинный француз...»

Луи Антуан де Бугенвиль, протеже Людовика XV, обласканный Людовиком XVI, введенный Директорией в состав Института Франции (Французской академии наук), назначенный сенатором и удостоенный графского титула Наполеоном I, был прежде всего парижанином. Его дед занимал пост прокурора в Шатле⁴, отец стал парижским нотариусом. Когда в 1741 году нотариус вошел в городской совет, ему за заслуги было пожаловано дворянство и герб с изображением «черного орла с распростертыми крыльями на серебряном фоне». Луи Антуан с детства (тогда ему было двенадцать лет) гордился честью, которой удостоилась его семья. Городской советник хотел, чтобы его сыновья стали юристами. Старший, Жан Пьер, не слишком крепкий здоровьем и не столь деятельный, последовал родительским советам и после получения классических знаний принес присягу, став парламентским адвокатом. Луи Антуан, бывший на семь лет моложе брата, изучал право, но прикидывал на себя различную военную форму, тайно решив стать Черным мушкетером: «...эта служба открывает доступ ко двору и обеспечивает получение достойной должности в соответствии с рангом». Он не осмеливался поделиться своими планами с отцом, но открылся брату, что последнего не удивило.

– Если бы здоровье мне позволило, я стал бы мореплавателем, путешественником.

Он показал брату свой труд «Жизнеописание Пифея Массалийского», который писал по просьбе новых друзей, Фрере и аббата Ротлена, географов и историков, говоривших только о далеких и неведомых землях. Луи Антуан прочел рукопись, загорелся новой страстью и решил вступить в кружок брата. Там он познакомился с математиками Клераном и Даламбером и живо заинтересовался геометрией, арифметикой и алгеброй.

Отец Ив Пьер де Бугенвиль с сожалением узнал, что сын вступает в ряды Черных мушкетеров, но противиться не стал.

Через три года Луи Антуан становится помощником интенданта Пикардийского полка. В августе 1754 года он уже адъютант знаменитого генерала Шевера. Чуть позже он увлекся дипломатией, а поскольку у этого любезного дворянина, веселого и хорошо сложенного, покровителей, а особенно покровительниц хватает, Луи Антуан послан в Лондон с чрезвычайной миссией в ранге секретаря посольства, которым руководит герцог Мирпуа.

Эти разнообразные занятия все же не мешали ему помнить фразу своего бывшего учителя математики великого Даламбера: «Мир нуждается в трактате об интегральном исчислении, но среди нас нет никого, кто бы успешно справился с задачей».

⁴ Существовавшее в Париже судебное учреждение, представлявшее собой первую инстанцию по гражданским и уголовным делам.

Луи Антуану было всего двадцать три года, когда он не от самонадеянности, а просто из любопытства, будучи богато одаренным человеком, принялся в свободные часы писать «Трактат об интегральном исчислении», который сразу по публикации в 1754 году поразил математиков той эпохи своим совершенством. В двадцать шесть лет автор был представлен в Парижскую академию наук и избран членом ученого Королевского общества в Лондоне.

Закончив дипломатическую службу, Бугенвиль возвращается к военной карьере в чине капитана в драгунском полку Апшона и, поскольку война столкнула в Канаде англичан и французов, предпринимает первое большое морское путешествие в качестве пассажира на борту «Единорога», чтобы присоединиться к маркизу Монкальму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.